

МОНОГРАФИИ ВШЭ
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

АФИНЫ НА ПУТИ К ДЕМОКРАТИИ

VIII–V ВЕКА ДО Н.Э.

В.Р. Гущин

Второе издание

Издательский дом
Высшей школы экономики
МОСКВА, 2025

УДК 94(38)
ББК 63.3(0)32
Г98

<https://elibrary.ru/rdltsp>

Р е ц е н з е н т — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор факультета культурологии Российского государственного гуманитарного университета *И.Е. Суриков*

Гушин, В. Р. Афины на пути к демократии: VIII–V века до н.э. [Текст] / В. Р. Гушин ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — 2-е изд. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. — 456 с. — (Монографии ВШЭ: Гуманитарные науки). — 500 экз. — ISBN 978-5-7598-4173-9 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-4240-8 (e-book).

В монографии исследуется процесс становления афинской демократии на протяжении архаического и классического периодов (VIII — середина V века до н.э.). Вопросы о том, что такое афинская демократия, когда она возникла и какую роль в ее появлении сыграли те или иные социальные слои, остаются дискуссионными на протяжении длительного времени. В книге показано, что одним из значимых стимулов возникновения демократии становится борьба за власть и влияние внутри слоя аристократии, к участию в которой нередко привлекался и афинский демос. В процессе этой борьбы, с одной стороны, создавались равные условия для «лучших» (*eunomia, isonomia*), а с другой — происходило расширение политических прав простого народа. Результатом этих процессов становится государственное устройство, в котором значительную роль играют коллегиальные политические институты, прежде всего народное собрание, избиравшее должностных лиц, и гелиэя (народный суд), осуществлявшая контроль за ежегодно избираемыми магистратами. Тем не менее афинскую демократию нельзя считать народоправством или «властью народа». Сами афиняне характеризовали ее как коллективное правление или власть «большинства» — тех, кто обладал политическими правами.

Книга адресована как специалистам и исследователям, так и широкому кругу читателей, интересующихся историей Греции.

УДК 94(38)
ББК 63.3(0)32

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<http://id.hse.ru>

doi:10.17323/978-5-7598-4173-9

ISBN 978-5-7598-4173-9 (в пер.)
ISBN 978-5-7598-4240-8 (e-book)

© Гушин В.Р., 2021; 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Список сокращений	6
Введение	8
Глава 1. НАЧАЛО ПРЕОБРАЗОВАНИЙ	22
1.1. Между аристократией и олигархией	22
1.2. Eupomia: Солон	47
1.3. Тирания в Афинах	74
1.4. Isonomia: Клисфен	98
1.5. Политическая эволюция: стимулы и результаты	117
Глава 2. ОТ КЛИСФЕНА ДО САЛАМИНСКОЙ БИТВЫ (507–480 гг. до н.э.)	135
2.1. После Клисфена	135
2.2. Между Марафоном и Саламином (80-е годы V в. до н.э.)	162
2.3. Закон об остракизме и первые остракофории	196
2.4. Прелюдия демократии?	214
Глава 3. НАКАНУНЕ РАДИКАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ (480–462 гг. до н.э.)	226
3.1. Афины после Саламина	226
3.2. Победы и поражения Кимона	260
3.3. Ареопаг, морское могущество и демократия	290
Глава 4. ПРОГРЕСС ДЕМОКРАТИИ	319
4.1. Реформа Эфиальта	319
4.2. Афины в период Первой Пелопоннесской войны (460–446 гг. до н.э.)	344
4.3. Перикл	366
4.4. Афинская демократия: от Эфиальта до начала Пелопоннесской войны	401
Заключение	417
Источники	428
Литература	431

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Сборники источников, общие труды

- ATL — *Merritt B.D., Wade-Gery H.T., McGregor M.F.* The Athenian Tribute Lists. Vol. I–IV. Cambridge, MA; Princeton: Princeton University Press, 1939–1953.
- CAH — Cambridge Ancient History. 2nd ed. Cambridge University Press, 1970–1992.
- FGrHist — Die Fragmente der griechischen Historiker / Hrsg. von F. Jacoby. Bd. I–III. Berlin; Leiden: Brill, 1923–1958.
- IG — Inscriptiones Graecae. Berlin, периодическое издание с 1873 г.
- M&L — *Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Oxford: Clarendon Press, 1969.
- RE — *Pauly A., Wissowa G., Kroll W.* Realencyclopädie der Klassischen Altertümwissenschaft. Stuttgart: Metzler, 1893–1978.
- SEG — Supplementum Epigraphicum Graecum / ed. by J.J. Hondius. Vol. I–XXV. Leiden: Brill, 1923–1971; ed. by R. Stroud, H. Pleket. Vol. XXVI–XXXVIII. Leiden: Brill, 1976–1988.

Профильные журналы, ежегодники

- АДСВ — Античная древность и Средние века. Свердловск-Екатеринбург: УрФУ.
- ВДИ — Вестник древней истории. М.: Наука.
- AC — L'Antiquité classique. Bruxelles: SNRS.
- АНВ — Ancient History Bulletin. University of Calgary.
- AJA — The American Journal of Archaeology. Boston: Archaeological Institute of America.
- AJP — The American Journal of Philology. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- BICS — Bulletin of the Institute of Classical Studies.
- BSA — The Annual of the British School of Athens. L.: British School of Athens.

- CA — Classical Antiquity. Oakland: University of California Press.
- CJ — Classical Journal. Monmouth: CAMWS.
- CP — Classical Philology. Chicago: University of Chicago Press.
- CQ — The Classical Quarterly. Cambridge: Cambridge University Press.
- CSCA — California Studies in Classical Antiquity. Oakland: University of California Press.
- G&R — Greece and Rome. Cambridge: Cambridge University Press.
- GRBS — The Greek, Roman and Byzantine Studies. Durham, NC: Duke University.
- HSCPh — Harvard Studies in Classical Philology. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- HZ — Historische Zeitschrift. Berlin: Oldenburg-De Gruyter.
- JHS — Journal of Hellenic Studies. Cambridge: Society for the Promotion of Hellenic Studies.
- MH — Museum Helveticum. Basel; Berlin: Schwabe.
- OUCS — Odense University Classical Studies. Odense: Odense University Press.
- PP — La Parola del Passato: Napoli-Firenze; Machiaroli-Olschki.
- QUCC — Quaderni Urbinati di Cultura Classica. Urbino: Edizioni dell'Ateneo.
- RA — Revue Archaeologique. Paris; Nanterre: Presses Universitaires de France.
- REA — Revue des Études Anciennes. Bordeaux: Presses Universitaires de Bordeaux.
- REG — Revue des Études Grecques. Paris: Association des Études Grecques.
- RhM — Rheinische Museum für Philologie. Koeln: Sauerländer.
- RIDA — Revue international des droite de l'Antiquite. Paris: De Boccard.
- TAPhA — Transactions and Proceedings of the American Philological Association. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- ZPE — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Koeln: Habelt.

ВВЕДЕНИЕ

В середине V в. до н.э. государственное устройство Афин обретает ярко выраженные демократические черты. Избрание на самые значимые государственные должности происходило в народном собрании, а суды, в которых заседали преимущественно простые афиняне, не только вершили суд, но и осуществляли контроль за избранными должностными лицами. «Наш государственный строй, — с гордостью говорил Перикл в так называемой Надгробной речи, — не подражает чужим учреждениям; мы сами скорее служим образцом для некоторых, чем подражаем другим. Называется этот строй демократическим (δημοκρατία κέκληται), потому что он зиждется не на меньшинстве, а на большинстве их» (Thuc. II. 37. 1, пер. Ф. Мищенко)¹.

Даже легендарные афинские цари из аттических трагедий нередко изображались как демократические вожди. Для примера можно упомянуть афинского царя Тезея из трагедии Еврипида «Просительницы». Отвечая на вопрос фиванского глашатая о том, кто в Афинах самодержец, он говорит буквально следующее:

С ошибки речь ты начал, гость. Напрасно
Ты ищешь самодержца, — не один
Здесь правит человек, свободен город.

---

¹ Правда, далее Фукидид, оценивая роль и влияние Перикла, замечает, что *demokratia* была лишь на словах, а на деле власть принадлежала первому гражданину (ἐγίνετό τε λόγῳ μὲν δημοκρατία, ἔργῳ δὲ ὑπὸ τοῦ πρώτου ἀνδρὸς ἀρχή) (Thuc. II. 65. 9, комментарии: *Hornblower S. A Commentary on Thucydides. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1991. P. 346*).

Народ у власти; выборных сменяет
 Он каждый год; богатству преимушеств
 Здесь не дают, права у бедных те же.

(*Eurip. Suppl.* 404–409,
 пер. С. Шервинского)

Термин *демократия*, которым обозначалось политическое устройство Афин, появляется и начинает широко использоваться в V в. до н.э. Не исключено, впрочем, что он родился в кругах не сторонников, а противников демократии². Во всяком случае, немало древних авторов отзывалось о *демократии* весьма неодобрительно, не скупясь на ее негативные характеристики. В качестве иллюстрации достаточно упомянуть трактат «Афинская полития», приписываемый Ксенофону, автор которого чаще именуется Старым Олигархом: «Что касается государственного устройства афинян, — пишет он, — то, если они выбрали свой теперешний строй, я не одобряю этого по той причине, что, избрав себе его, они тем самым избрали такой порядок, чтобы простому народу жилось лучше, чем благородным» (*Xen. Ath. Pol.* 1. 1, пер. С. Радцига).

Вопрос о том, что такое афинская демократия, когда она возникла и какую роль в ее появлении сыграли те или иные социальные слои и группы, часто ставился исследователями. При этом нередко отмечалось, что Афины являли собой практически не существующий ныне тип государственного устройства — прямую демократию, существенно отличающуюся от демократии представительной³. Основанием для таких утверждений стала известная характеристика Афин как *face-to-face society*, которую дал в свое время М. Финли⁴. Таким образом он

² Маринович Л.П. Античная и современная демократия: новые подходы к сопоставлению. М.: КДУ, 2007. С. 4.

³ *Robinson E.W.* The First Democracies. Early Popular Government outside Athens. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997. P. 26; *Карпук С.* Прямая демократия: поучительный пример или исторический артефакт? // Отечественные записки. 2006. № 29; *Кудрявцева Т.В.* Народный суд в демократических Афинах. СПб.: Алетейя, 2008. С. 425 и сл.

⁴ *Finley M.I.* Democracy Ancient and Modern. L.: Chatto and Windus, 1973. P. 17–18.

хотел подчеркнуть, что демократия подобного рода возможна лишь в незначительных по размерам государствах (полисах) с небольшим коллективом граждан. Только в таких государствах возможно прямое самоуправление, осуществляемое гражданами через народное собрание. Однако эту оценку нельзя считать безусловно принятой. Другой английский исследователь Р. Осборн, например, не считает возможным говорить о существовании прямой демократии в Афинах, поскольку политически активной была лишь часть граждан — те, кого можно назвать политическим классом⁵. А известный датский антиковед М. Хансен сердцевиной афинской демократической системы вообще считает не народное собрание, а суд — *гелиэю*⁶.

С недавних пор проблема становления демократии в Афинах стала особенно популярной. В начале 1990-х годов в США и Европе отметили 2500-летие ее возникновения серией конференций и публикаций. Речь идет о годовщине реформ афинянина Клисфена, с именем которого антиковеды связывают возникновение демократии в Афинах⁷. Дж. Обер, известный американский антиковед, один из инициаторов и организаторов упомянутых мероприятий, называет процесс появления демократии и сопутствовавшие ему события «афинской революцией» и сравнивает их с Французской революцией XVIII в.⁸ Естественным следствием этого является восторженная оценка возникшей в Афинах демократии. Помимо этого,

---

⁵ Osborne R. *Demos: the Discovery of Classical Attika*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 64 f., 88 f. Возражения высказывает и Дж. Обер: *Ober J. Mass and Elite in Democratic Athens*. Princeton: Princeton University Press, 1989. P. 31 f.

⁶ См., например: *Hansen M.H. The Concept of Demos, Ekklesia, and Dikasterion in Classical Athens // GRBS*. 2010. Vol. 50. No. 4.

⁷ Например: *Democracy 2500? Questions and Challenge / ed. by I. Morris, K. Raaflaub*. Dubuque, Iowa: Archaeological Institute of America, 1998; *Rhodes P.J. Ancient Democracy and Modern Ideology*. L.: Duckworth, 2003. P. 61 f.; см. также: *Маринович Л.П.* Указ. соч. С. 21 и сл.

⁸ *Ober J. Athenian Revolution of 508/7 B.C.: Violence, Authority and the Origins of Democracy // Athenian Democracy*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2004 (см. также эту работу в: *Cultural Poetics in Archaic Greece / ed. by C. Dougherty, L. Kurke*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 215–232). Ранее им была высказана мысль об общемировом значении реформ Клисфена (*Ober J. Mass and Elite... P. 9*).

изучение демократии имеет для Обера и практическую составляющую, поскольку опыт афинян может быть использован современными демократическими государствами. Впрочем, нельзя сказать, что подобные оценки принимались исследователями безоговорочно⁹. Отмечались и существенные отличия процессов, происходивших в позднеархаических Афинах и в Европе Нового времени¹⁰. Высказывались сомнения и в том, что именно Клисфена следует считать родоначальником афинской демократии.

Проведенные дискуссии, несмотря на их бросающуюся в глаза политическую ангажированность, все же позволили сформулировать ряд принципиальных положений. В частности, становление демократии в Афинах следует отличать от процесса формирования европейских демократических систем Нового времени. В последнем случае значительную роль играло так называемое третье сословие, выдвигавшее популярные лозунги и собственных лидеров, чего не скажешь об Афинах эпохи архаики и классики. Роль двигателя политического прогресса здесь нередко исполняла аристократия¹¹. Во всяком случае, из ее рядов вышли все наиболее значимые политические лидеры и народные вожаки. Нерешенным остался и вопрос об основателе демократии в Афинах, который по-прежнему можно считать дискуссионным¹².

Что же еще удалось выяснить исследователям? В самом общем виде демократия определяется как тип власти, основанной на правлении народа¹³. Следовательно, демократией может быть назва-

⁹ В качестве примера можно сослаться на Л. Канфора — автора критического исследования феномена демократии (в том числе и античной) (*Канфора Л. Демократия. История одной идеологии*. СПб.: Alexandria, 2012).

¹⁰ *Eder W. Aristocrats and the Coming of Athenian Democracy // Democracy 2500? Questions and Challenge / ed. by I. Morris, K. Raafaub. Dubuque, Iowa: Archaeological Institute of America, 1998.*

¹¹ *Ibid.*; см. также: *Фролов Э.Д. Парадоксы истории — парадоксы античности*. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2004. С. 157 и сл.

¹² Подробнее см.: *Osborne R. When Was the Athenian Democratic Revolution? // Rethinking Revolutions through Ancient Greece / ed. by S. Goldhill, R. Osborne. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 21 f.*

¹³ *Robinson E.W. The First Democracies... P. 13–14.* В то же время демократия может рассматриваться и как совокупность политических институтов, обеспе-

но политическое устройство, при котором власть принадлежит не группе или классу, а большинству¹⁴. Сердцевина демократической системы Афин — народное собрание, принимавшее законы и избиравшее наиболее значимых должностных лиц. Возникновение такого устройства следует в таком случае связывать с формированием в Афинах политической системы, при которой наибольшее значение приобретают представительные учреждения — народное собрание (*эклесия*) и народный суд (*гелиэя*). Такой политический строй позволял демосу осуществлять власть либо непосредственно, например во время заседаний народного собрания, либо через избираемых им должностных лиц.

Однако если становление демократии связывать с существованием наделенного сколько-нибудь значительными полномочиями народного собрания, возникнут определенные сложности. Дело в том, что народное собрание существовало едва ли не во всех греческих полисах. Оно, как резонно замечает Р. Сили, играло значительную роль даже в олигархических полисах. «Если кто-либо, — пишет он, — склонен считать, что конституционное развитие Афин имело специфические в сравнении с другими полисами особенности именно благодаря достижению демократии, он должен вкладывать в это понятие нечто иное, нежели приоритет собрания граждан»¹⁵.

Кроме того, если демократию связывать с исключительной ролью народного собрания, ее возникновение надо будет отнести к бо-

---

чивающих правление (контроль) большинства над государством, а также как комплекс идеалов и принципов, которые лежат в основании демократических институтов и процедур, — например, принцип равенства (*Ober J. Mass and Elite... P. 3 f.; Robinson E. W. The First Democracies... P. 65 f.; см. также: Morris I. The Strong Principle of Equality and the Archaic Origins of Greek Democracy // Dēmokratia: A Conversation on Democracies, Ancient and Modern / ed. by J. Ober, Ch. Hedrick. Princeton: Princeton University Press, 1996).*

¹⁴ *Robinson E. W. The First Democracies... P. 14, n. 2.* При этом, правда, возможны различные трактовки понятия «народ» (демос): либо это простое большинство граждан, о котором в одной из своих речей говорил Перикл (*Thuc. II. 37. 1*), либо беднейшая их часть, составляющая большинство внутри демоса (*Xen. Ath. Pol. I. 2–5*) (*Rhodes P. J. Ancient Democracy and Modern Ideology... P. 20*).

¹⁵ *Sealey R. The Athenian Republic. Democracy or the Rule of Law? University Park; L.: The Pennsylvania State University Press, 1987. P. 96.*

лее раннему времени, нежели принято считать¹⁶. В этом случае она будет обязана своим появлением в Афинах скорее Солону (начало VI в. до н.э.), нежели Клисфену¹⁷. Не исключено, что так считали некоторые греческие авторы IV в. до н.э.¹⁸ «Солона же, — отмечал Аристотель, — некоторые считают превосходным законодателем: он упразднил крайнюю олигархию, положил конец рабству простого народа и установил прародительскую демократию, удачно смешав элементы различных государственных устройств» (*Arist. Pol.* 1273 b 37–38, здесь и далее пер. С. Жебелева). Клисфен же, по его словам, лишь содействовал укреплению уже сложившейся в Афинах демократии (*Arist. Pol.* 1319 b 21–22), при нем она скорее обретает радикальные черты, вследствие наделения политическими правами большинства афинян (*Arist. Pol.* 1319 b 2–3, ср.: *Arist. Ath. Pol.* 22. 1, 41. 2).

Быть может, поэтому дату рождения демократии с недавних пор стало принято отодвигать вглубь веков и находить ее во многих (если не во всех) греческих полисах. Э. Робинсон обнаруживает демократические формы правления далеко за пределами Афин и в более раннее время¹⁹. Высказывается предположение, что предпосылки для возникновения демократии складываются уже в период архаики и проявляются в присущих греческому обществу уравнительных (*middling* —

¹⁶ В этом случае можно говорить о возникновении демократии и в Спарте, причем уже в VII в. до н.э., когда появляется Большая Ретра, наделившая собрание граждан широкими полномочиями (*Hornblower S.* *Creation and Development of Democratic Institutions in Ancient Greece // Democracy, the Unfinished Journey. 508 B.C. to A.D.* / ed. by J. Dunn. Oxford: Oxford University Press, 1992. P. 1–2; *Hansen M.H.* *The Concept of Demos...* P. 33).

¹⁷ О. Мюррей именно Солона называет основателем демократии в Афинах (*Murray O.* *Early Greece.* 2nd ed. L.; Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. P. 184; возражения см.: *Mossé C.* *How a Political Myth Takes Shape: Solon, “Founding Father” of Athenian Democracy // Athenian Democracy.* Edinburgh, 2004).

¹⁸ Например, Исократ (*Isocr.* VII. 16, XII. 148, XV. 232, 313). См. также: *Anderson G.* *The Athenian Experiment. Building on Imagined Political Community in Ancient Attica, 508–490 B.C.* Ann Arbor: The University of Michigan University Press, 2003. P. 47–48.

¹⁹ *Robinson E.W.* *Democracy beyond Athens. Popular Government in the Greek Classical Age.* Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

в терминологии И. Морриса) тенденциях²⁰. Несмотря на набирающее обороты «омоложение» греческой демократии, мы не считаем такой подход продуктивным. По-видимому, стимулы и предпосылки ее складывания следует видеть не только в исключительной роли народного собрания, что мы в дальнейшем и попытаемся обосновать.

Таковы лишь некоторые из проблем, которые активно обсуждаются в науке. Их мы намерены обсудить и в настоящей работе. Основное внимание при этом будет уделяться рассмотрению процесса политической модернизации, который привел к возникновению демократии, и факторов, стимулировавших его. Не исключено, что демократия не была конечной целью конкретных реформаторов, решавших в большей мере насущные задачи, стоявшие перед полисом в тот или иной период²¹. Хотя ее возникновение, по нашему убеждению, не было исторической случайностью. К тому же анализ процесса возникновения демократии в Афинах нередко осложняется широко распространенными сегодня взглядами на современное демократическое устройство. Поэтому обсуждение античной демократии нередко превращается в ее сопоставление с современными образцами, которое определяет направление и результаты анализа.

Мы попытаемся избежать подобного сопоставления и проанализировать суждения самих афинян относительно их государственного устройства. Важную информацию содержат труды греческих историков и философов — Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Аристотеля, Платона и др. Однако не все из них ставили перед собой задачу описать процесс становления демократии в Афинах. Геродот интересовался предпосылками и ход греко-персидских войн, Фукиди-

---

²⁰ *Morris I.* The Strong Principle of Equality... P. 21 ff., 28 ff.; *Raaflaub K.A., Wallace R.W.* "People's Power" and Egalitarian Trends in Archaic Greece // *Origins of Democracy in Ancient Greece* / ed. by K.A. Raaflaub, J. Ober, R.W. Wallace. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2007. P. 22–48. Афиняне, по мнению Г. Андерсона, склонны были считать, что демократия родилась у них задолго до Солона и Клисфена (*Anderson G.* Why the Athenians Forgot Cleisthenes: Literary and Politics of Remembrance in Ancient Athens // *Politics of Orality. Mnemosyne Supplements* / ed. by C. Cooper. Leiden; Boston: Brill, 2007. P. 105 f.).

²¹ См.: *Ostwald M.* La Démocratie athénienne. Réalité ou illusion? // *Metis*. 1992. Vol. 7. No. 1.

да — Пелопоннесская война, Ксенофонт рассказывал о заключительных годах Пелопоннесской войны и ситуации в Греции после ее окончания. Несмотря на это, суждения древних авторов о процессе становления демократии и ее оценки могут быть реконструированы с большей или меньшей степенью вероятности²². Геродота нередко называют сторонником демократии²³. Взгляды Фукидида сложнее поддаются реконструкции. Но он был почитателем Перикла, что позволяет и его причислить к сторонникам афинской демократии²⁴. Правда, были и те, кого, как мы уже говорили, народоправство не устраивало. Негативную оценку афинской демократии дал Ксенофонт, если его считать автором небольшого памфлета «Афинская полития»²⁵. Особняком в этом ряду стоит Аристотель. Ему принадлежит несколько сочинений, в которых предпринимается попытка осмыслить ход политической эволюции Древней Греции. Речь идет о его трактатах «Политика», в котором анализируются различные формы политического устройства, и «Афинская полития»²⁶. В последней анализируются политические перемены (*metabolai*), происходившие в Афинах в архаический и классический периоды.

В науке интерес к политическому устройству Афин вообще и к демократии в частности пробудился давно. До определенного времени демократии давались весьма негативные оценки²⁷. У Митфорд, например, превозносилось политическое устройство Спарты, называл демократические Афины «сумасшедшим домом без надсмотрщика»²⁸.

²² Из общих работ можно назвать: Бергер А.К. Политическая мысль древнегреческой демократии. М.: Наука, 1966.

²³ О политических взглядах Геродота см., например: Forsdyke S. Athenian Democratic Ideology and Herodotus' "Histories" // AJP. 2001. Vol. 122. No. 3.

²⁴ Chambers M.H. Thucydides and Pericles // HSCPh. 1957. Vol. 62; см. также: Pope M. Thucydides and Democracy // Historia. 1988. Bd. 37. N. 3.

²⁵ Никитюк Е.В. «Афинская полития» Псевдо-Ксенофонта // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2009. Вып. 4.

²⁶ См., например: Доватур А.И. Политика и политии Аристотеля. М.; Л.: Наука, 1965; Rhodes P.J. A Commentary on the Aristotelian *Athenaion Politeia*. Oxford: Clarendon Press, 1993.

²⁷ Фролов Э.Д. Указ. соч. С. 153 и сл.; Маринович Л.П. Указ. соч. С. 4 и сл.

²⁸ Гуцин В.Р. Джордж Грот: на пути к «Греческой истории» // Политическая история и историография. Петрозаводск, 1996. С. 157.

Позитивное отношение к этому типу политического устройства стало формироваться лишь во второй половине XIX в. благодаря Дж. Гроту, который одним из первых выступил в защиту афинского демоса и демократии²⁹. Мало того, он впервые заговорил о превосходстве демократии над другими формами политического устройства³⁰.

В прошлом столетии эта идея была воспринята многими исследователями, и сегодня афинская демократия уже не нуждается в защите. Скорее наоборот, стремясь к объективной оценке данного феномена, следует воздерживаться от апологетики. Начало безудержному восхвалению демократического устройства в Афинах было положено в начале 1990-х годов. Тогда произошли важнейшие геополитические изменения, повлиявшие и на восприятие прошлого. Распад СССР и крушение мировой системы социализма внушили западным интеллектуалам мысль о полной победе либеральных ценностей. В этом контексте следует рассматривать упоминавшиеся выше торжества по случаю 2500-летия рождения демократии.

Первые работы, в которых процесс функционирования государства рассматривается через действия политиков и политических групп, появляются только в начале XX столетия³¹. Со временем новый подход распространяется и на античную историю. Правда, пионерами этого направления становятся исследователи римской истории³². Механизмы политического доминирования и группы влияния в Греции будут изучаться несколько позднее³³.

В настоящее время проблеме становления демократии и ее анализу посвящено огромное количество работ, в которых рассматри-

---

²⁹ Фролов Э.Д. Указ. соч. С. 154; Маринович Л.П. Указ. соч. С. 9 и сл. См. также: Гуцин В.Р. Джордж Грот... С. 151 и сл.

³⁰ Гуцин В.Р. Джордж Грот... С. 154.

³¹ Bentley A.F. *The Process of Government*. Chicago: University of Chicago Press, 1908; см. также: Rhodes P.J. *General introduction // Athenian emocracy and Modern Ideology*. L.: Duckworth, 2003. P. 6–7.

³² Rhodes P.J. *General introduction...* P. 7.

³³ Упомянем лишь наиболее значимые работы: Connor W.R. *The New Politicians of Fifth-Century Athens*. Princeton: Princeton University Press, 1971; Davies J.K. *Athenian Propertied Families. 600–300 B.C.* Oxford: Clarendon Press, 1971; Bicknell P.J. *Studies in Athenian Politics and Genealogy*. Wiesbaden: Steiner, 1972.

ваются те или иные ее аспекты. Причем все чаще звучит мысль о том, что демократия была формой государственного устройства, характерной для многих греческих полисов³⁴. Из общих работ можно упомянуть исследования У. Форреста, М. Финли, Д. Стоктона, П. Родса, Л. Сэммонса, Т. Митчелла, а также коллективные труды, в которых делаются попытки осмысления данного феномена³⁵. В исследованиях М. Оствальда и Р. Сили рассматривается роль и эволюция закона (*nomos*)³⁶. Последний не склонен называть политический строй Афин демократией. «Если нужен слоган, — пишет Р. Сили, — то Афины были республикой, а не демократией»³⁷. Эту мысль он выносит и в подзаголовок своего исследования: Демократия или Власть Закона. При этом предпочтение отдается последнему.

Наиболее популярным до недавнего времени был так называемый институциональный подход к процессу становления афинской демократии. В работах авторов этого направления рассматривалась эволюция конституционного устройства или отдельные политические институты³⁸. Специальные монографические исследования посвящены важнейшим политическим институтам: *буле* — совету 500, который появляется в Афинах в конце VI в.

³⁴ *Robinson E.W.* The First Democracies...; *Idem.* Democracy beyond Athens...

³⁵ *Forrest W.G.* The Emergence of Greek Democracy. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1966; *Finley M.I.* Op. cit.; *Stockton D.* The Classical Athenian Democracy. Oxford: Oxford University Press, 1990; *Rhodes P.J.* Ancient Democracy and Modern Ideology...; *Samons L.* What Wrong with Democracy? From Athenian Practice to American Worship. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2004; Greek Polis and the Invention of Democracy. A Politico-cultural Transformation and Its Interpretation / ed. by J.P. Arnason, K.A. Raaflaub, P. Wagner. L.: Wiley-Blackwell, 2013; *Mitchell T.N.* Democracy's Beginning. The Athenian Story. New Haven; L.: Yale University Press, 2015; A Companion to Greek Democracy and Roman Republic / ed. by D. Hammer. L.: Wiley-Blackwell, 2015.

³⁶ *Ostwald M.* Nomos and the Beginnings of the Athenian Democracy. Oxford: Clarendon Press, 1969; *Idem.* From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1986; *Sealey R.* Op. cit.

³⁷ *Sealey R.* Op. cit. P. 146.

³⁸ Общий обзор конституционного устройства Афин см., например: *Hignett C.* A History of the Athenian Constitution to the End of the 5th Century B.C. Oxford: Clarendon Press, 1952.

до н.э. (П. Родс), ареопагу (Р. Уоллес), афинской стратегии (Ч. Форнара и Д. Хаммел)³⁹.

Отдельно следует сказать о работах, в которых исследуется социальная история — возникновение и историческая роль аристократии и демоса, а также характер отношений между ними. При этом если Р. Осборн и Дж. Обер склонны подчеркивать роль демоса в процессе возникновения демократии в Афинах, то В. Эдер ее творцом называет аристократию⁴⁰. Социально-политическая сфера изучалась в работах Дж. Дэвиса, У. Коннора, П. Бикнелла⁴¹. В работах Ф. Фроста, Д. Кэгэна, Э. Подлецки и В. Вилля анализируется деятельность отдельных политических лидеров⁴².

Отечественная историография менее разнообразна, но и в ней интерес к афинской демократии у исследователей пробудился довольно давно. Достаточно упомянуть ставшее уже классическим исследование В.П. Бузескула⁴³. Из более современных работ следует отметить исследование Л.П. Маринович, в котором афинская демократия рассматривается как социально-политический феномен⁴⁴. Процесс становления демократии в Афинах рассматривает в своей монографии Х. Туманс⁴⁵. Совсем недавно на свет появился коллек-

---

³⁹ *Rhodes P.J.* The Athenian Boule. Oxford: Clarendon Press, 1972; *Wallace R.W.* The Areopagos Council, to 307 B.C. Baltimore; L.: Johns Hopkins University Press, 1989; *Fornara Ch.W.* The Athenian Board of Generals from 501 to 404 B.C. Wiesbaden: Steiner, 1971; *Hamel D.* Athenian Generals. Military Authority in Classical Period. Leiden: Brill, 1998.

⁴⁰ *Osborne R.* Demos: the Discovery...; *Ober J.* Mass and Elite...; *Eder W.* Op. cit.

⁴¹ *Davies J.K.* Op. cit.; *Connor W.R.* Op. cit.; *Bicknell P.J.* Op. cit.

⁴² *Frost F.J.* Plutarchs' Themistocles. A Historical Commentary. Princeton: Princeton University Press, 1980; *Kagan D.* Pericles of Athens and the Birth of Democracy. N.Y.: Free Press, 1991; *Will W.* Perikles. Hamburg: Rowohlt, 1995; *Podlecki A.J.* Perikles and his Circle. L.: Routledge, 1998. Правда, если Д. Кэген изображает Перикла как героя, «рыцаря без страха и упрека», то В. Вилль, наоборот, стремится лишить его героического ореола, не жалея при этом черных красок.

⁴³ *Бузескул В.П.* История афинской демократии. СПб.: Гуманитарная академия, 2003 [1909].

⁴⁴ *Маринович Л.П.* Указ. соч.

⁴⁵ *Туманс Х.* Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла. СПб.: Гуманитарная академия, 2002.

тивный труд, посвященный античной демократии⁴⁶. В нем помимо афинской демократии рассматриваются элементы демократического устройства Спарты и других греческих полисов. К сожалению, он не стал прорывом в данном направлении, поскольку некоторые его авторы предпочли ограничиться констатацией общеизвестного. На рубеже XX–XXI вв. появляются работы, анализирующие политическое развитие Древней Греции в цивилизационном контексте⁴⁷. Оценке исторического феномена античной демократии (на примере Афин) посвятил одну из своих статей, вошедших в новый сборник, Э.Д. Фролов⁴⁸.

Отечественные ученые, как правило, исследуют положение отдельных социальных слоев и групп. При этом больше повезло аристократии, значительные публикации о которой относятся еще к 1990-м годам⁴⁹. Не были обойдены вниманием и политические институты, в частности ареопаг и народный суд (*гелиэя*)⁵⁰. Анализи-

⁴⁶ Проблемы античной демократии / под ред. Э.Д. Фролова. СПб.: Издательство СПбГУ, 2010 (рецензия: Суриков И.Е. // Аристей. 2011. Вып. IV).

⁴⁷ Андреев Ю.В. Цена свободы и гармонии: Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб.: Алетейя, 1998.

⁴⁸ Фролов Э.Д. Указ. соч. Гл. 12.

⁴⁹ Ленская В.С. Эвпатриды: начало истории // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 1999. Вып. 8; Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М.: Издательство Института всеобщей истории РАН, 2000; Он же. Аристократия и демос. Политическая элита архаических и классических Афин. М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2009; Владимирская О.Ю. Алкмеониды и мезизм в Афинах // Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб.: ЛГУ, 2002; Goušchin V. Aristocracy in Democratic Athens. Deformation and/or Adaptation // Deformations and Crises of Ancient Civil Communities / ed. by V. Goušchin, P.J. Rhodes. Stuttgart: Steiner, 2015.

⁵⁰ Цуканова М.А. Ареопаг до Солона // Вестник ЛГУ. Сер. «История, язык, литература». 1972. Вып. 2; Коршунов В.А. Эфиальт и значение реформ Ареопага // Античное общество и государство. Л.: ЛГУ, 1988; Он же. Религиозные, судебные и политические полномочия Афинского ареопага // Античность и раннее средневековье. Социально-политические и этнокультурные процессы. Н. Новгород: НГПИ им. М. Горького, 1991; Суриков И.Е. Афинский ареопаг в первой половине V в. до н.э. // ВДИ. 1995. № 1; Кудрявцева Т.В. Народный суд в демократических Афинах. СПб.: Алетейя, 2008; Гуцин В.Р. Афинский Ареопаг:

ровалась, естественно, политическая ситуация в Афинах в архаический и классический периоды, а также перипетии политической борьбы⁵¹. К этой группе следует, видимо, отнести работы, посвященные отдельным политическим деятелям — Мильтиаду, Аристиду, Фемистоклу, Периклу⁵². Вот, пожалуй, и все, что мы имеем на сегодняшний день.

Хронологические рамки работы охватывают довольно обширный период — от архаики до начала Пелопоннесской войны, т.е. от VIII в. до н.э. до середины V в. до н.э. Именно в это время были запущены процессы, приведшие к возникновению демократии в Афинах. Следует, впрочем, оговориться, что упоминание Пелопоннесской

от Саламинской битвы до реформы Эфиальта (478–462 гг. до н.э.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. «История. Политология. Экономика. Информатика». 15 (70). 2009. Вып. 12; *Он же*. Эфиальт против ареопага // Античная цивилизация: политические структуры и правовое регулирование. Ярославль: ЯрГУ, 2012.

⁵¹ *Зельин К.К.* Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н.э. М.: Наука, 1964; *Фролов Э.Д.* Политические лидеры афинской демократии (опыт типологической характеристики) // Политические деятели античности, средневековья и Нового времени. Л.: ЛГУ, 1983; *Суриков И.Е.* Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н.э. и первые остракофории // ВДИ. 2001. № 2; *Гущин В.Р.* Закон об остракизме и первые остракофории в Афинах // Античная история и классическая археология. 2006. Вып. 2.

⁵² *Зайцев А.И.* Перикл и его преемники (к вопросу о приемах политического руководства в древности) // Политические деятели античности, средневековья и Нового времени. Л.: ЛГУ, 1983; *Строгецкий В.М.* Морская программа Фемистокла и возникновение триерархии // Античный мир. Проблемы истории и культуры. СПб.: СПбГУ, 1998; *Владимирская О.Ю.* Мильтиад Старший — ойкист: к вопросу о взаимоотношении аристократов и тиранов // Мнемон. 2002; *Гущин В.Р.* Фемистокл и Аристид: соперники или союзники? // ПИФК. 2010. № 3; *Суриков И.Е.* Перикл и Алкмеониды // ВДИ. 1997. № 4; *Он же*. Ксантипп, отец Перикла. Штрихи к политической биографии // ПИФК. 1999. Вып. 8; *Он же*. Фемистокл: homo novus в кругу старой знати // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 8. М.: РОИИ, 2002; *Он же*. Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М.: Наука, 2005; *Он же*. Аристид «Справедливый»: политик вне группировок // ВДИ. 2006. № 1; *Он же*. Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии. М.: Наука, 2008.

войны как хронологического рубежа в известном смысле условно. Разговор о процессе становления демократии в Афинах можно было бы завершить 462 г. до н.э., т.е. реформами Эфиальта. Но информация о реформах слишком скудна, чтобы у исследователя могло возникнуть цельное и непротиворечивое представление о них. К тому же жизнь самого реформатора внезапно оборвалась. Поэтому значительно больший интерес для нас представляют Афины времени Перикла. Другими словами, речь может идти о периоде, предшествующем Пелопоннесской войне. Хотя бы потому, что упомянутая война не могла не внести свои коррективы в тот политический строй, который складывается до ее начала.

Глава 1

НАЧАЛО ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

1.1. Между аристократией и олигархией

Если верить античной традиции, первоначально вся полнота власти в Афинах принадлежала царям (*basileis*). Замечено, кстати, что в исторических источниках о царях нередко говорится во множественном числе¹. Возможно, этот титул носила и знать, окружавшая царя. Во всяком случае, уже тогда окружение царя образует нечто вроде совета, заседавшего на холме Ареса, который впоследствии будет называться ареопагом (*Plut. Thes. 24*)². Можно предположить, что последовавшее затем упразднение царской власти расширило полномочия ареопага, сделав его наиболее влиятельным органом³. Однако с этим согласны далеко не все. Р. Уоллес, например, считает, что ареопаг был создан с конкретной целью: его прерогативой

---

¹ См., например, отрывок из Солоновского закона об амнистии (*Plut. Sol. 19*). На это обращает внимание И.Е. Суриков (*Суриков И.Е. Аристократия и демос. Политическая элита архаических и классических Афин. М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2009. С. 20–21*).

² *Rhodes P.J. A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia*. Oxford: Clarendon Press, 1993. P. 106 ff. Мифологическая традиция называет создателем ареопага легендарного афинского царя Тезея (см., например: *Wade-Gery H.T. Essays in Greek History*. Oxford: Blackwell, 1958. P. 92–93). А во времена Плутарха шел спор о том, был ли ареопаг создан Солоном или существовал до него (*Plut. Sol. 19*). См. также: *Цуканова М.А. Ареопаг до Солона // Вестник ЛГУ. 1972. № 8. Сер. «История, язык, литература». Вып. 2. С. 59–65; Суриков И.Е. Афинский ареопаг в первой половине V в. до н.э. // ВДИ. 1995. № 1*.

³ См., например: *Rhodes P.J. A Commentary... P. 107*.

было рассмотрение дел об убийствах и лишь затем он расширяет свои полномочия, приобретая дополнительные функции⁴. Действительно, судя по сообщениям древних авторов, в ведении ареопага находились дела об убийствах, которые с глубокой древности рассматривались на холме Ареса⁵. «Процессы об убийстве и нанесении ран, если кто предумышленно убьет или поранит другого, — рассказывает Аристотель, — разбираются в ареопаге; также и дела об отравлении, если кто причинит смерть, давши яду, и дела о поджоге. Это составляет исключительно круг дел, по которым судит совет ареопага» (*Arist. Ath. Pol.* 57. 3, здесь и далее пер. С. Радцига).

Однако полномочия ареопага и ареопагитов не ограничивались вынесением приговоров по уголовным делам. Ареопаг стоял на страже существующих законов. «...Совет ареопагитов, — говорится в «Афинской политике», — хотя имел обязанность быть только блюстителем законов, распоряжался большинством важнейших дел в государстве, налагая кары и взыскания безапелляционно на всех нарушителей порядка. Это объясняется тем, что выбор архонтов производился по благородству происхождения и по богатству, а из них-то и избирались ареопагиты. Вот почему это — единственная из должностей, которая остается пожизненной и теперь» (*Arist. Ath. Pol.* 3. 6). Если это так, то с мнением Р. Уоллеса трудно согласиться, поскольку ареопаг как совет аристократии изначально имел более широкие, в том числе политические, полномочия.

По-видимому, ареопаг избирал должностных лиц — коллегия архонтов. В «Афинской политике» находим следующее замечание Аристотеля: «В старину совет ареопага приглашал к себе кандидата и, обсудив в своей среде его кандидатуру, назначал на каждую из должностей подходящего человека на год, после чего отпускал его» (*Arist. Ath. Pol.* 8. 2). П. Родс полагает, что речь в этом пассаже, скорее всего, идет о процедуре проверки должностного лица

---

⁴ Wallace R. W. *The Areopagos Council*, to 307 B.C. Baltimore; L.: Johns Hopkins University Press, 1989. P. 39–46.

⁵ О полномочиях и функциях ареопага см.: *Smith G.* *The jurisdiction of the Areopagus* // *CP.* 1927. Vol. 22. No. 1; *Цуканова М.А.* Указ. соч.; *Кориунков В.А.* Эфиальт и значение реформ Ареопага // *Античное общество и государство.* Л.: ЛГУ, 1988. С. 68; *Суриков И.Е.* Афинский ареопаг... С. 29, 37–38.

(*dokimasia*)⁶. Но в процитированном отрывке речь идет именно об избрании архонтов, а не о проверке претендующих на эту должность. Согласно «Афинской политике», архонты избирались именно ареопатом. А вот в другом своем трактате — в «Политике» — Аристотель говорит, что архонты избирались народным собранием, в какую процедуру Солон, по его словам, не внес никаких изменений: «...Солон, по-видимому, удержал то, что уже существовало прежде, а именно ареопат и выборность должностных лиц, но демократию именно он установил тем, что ввел народный суд, где могут быть судьями все» (*Arist. Pol. II. 1274 a 1–2, 15–17*, здесь и далее пер. С. Жебелева).

Можно предположить, что право избирать должностных лиц было прерогативой народного собрания. Однако его роль в данный момент, скорее всего, была невелика, да и собиралось оно нерегулярно. При господстве аристократии и особенно в ситуации, которая сложилась в Афинах накануне реформ Солона, вряд ли могло быть иначе. Аристотель называл существовавшее в тот период государственное устройство олигархическим. «Надо иметь в виду, — пишет он, — что вообще государственный строй (в Афинах. — *В. Г.*) был олигархический, но главное было то, что бедные находились в порабощении не только сами, но также и дети и жены. ...Впрочем, и всем остальным он был тоже недоволен, потому что ни в чем, можно сказать, не имел своей доли» (*Arist. Ath. Pol. 2. 2*). Олигархия, которую Аристотель характеризует как крайнюю, будет уничтожена, по его словам, только реформами Солона (*Arist. Pol. II. 1273 b 36–39*). Существование олигархического режима позволяет предположить, что роль народного собрания и вообще выборных процедур была невелика. А если это так, можно предположить, что назначение предварительно избранных кандидатов на должности архонтов вплоть до реформ Солона, возможно, производилось советом знати. Во всяком случае, вплоть до реформы Эфиальта именно ареопатиты производили проверку претендующих на ту или иную должность (*dokimasia*), а по истечении срока их полномочий принимали отчеты (*euthynai*)⁷.

---

⁶ *Rhodes P.J. A Commentary...* P. 150.

⁷ *Бузескул В.П.* История афинской демократии. СПб.: Гуманитарная академия, 2003. С. 122; *Ostwald M.* From popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1986. P. 14.

Существенные изменения в процедуре избрания архонтов произойдут лишь при Солоне, когда каждая из четырех фил должна будет избирать по десять претендентов, дальнейшую судьбу которых решал жребий (*Arist. Ath. Pol.* 8. 1). Подобная процедура просуществовала, возможно, вплоть до 582/1 г., т.е. до архонства Дамасия⁸.

Непременным условием для занятия того или иного государственного поста было, конечно же, происхождение (*ἀριστίᾳ*), т.е. принадлежность к ведущим аристократическим родам или кланам. Согласно законодательству Драконта вопрос о доступе в страну человека, совершившего непредумышленное убийство (*IG* 1³ 103), решала комиссия из десяти членов фратрии, избранных из числа благородных. Таким же образом были избраны и триста судей по делу о так называемой Алкмеонидовой скверне (*Arist. Ath. Pol.* 1). По-видимому, уже тогда на высшие государственные должности стали избирать по происхождению и богатству (*ἀριστίᾳ καὶ πλουτίᾳ*) (*Arist. Ath. Pol.* 3. 1; ср. 3. 6). Впрочем, благородное происхождение, безусловно, могло указывать и на состоятельность того или иного претендента. Как бы то ни было, принадлежность к аристократии была важнейшим условием политического доминирования.

Что же представляла собой афинская аристократия и как она возникла? Можно предположить наличие тесной связи аристократии с военной сферой жизни общества. Первоначально уделом аристократии в военной сфере были единоборства, но на рубеже VIII–VII вв. до н.э. аристократический статус начинает определять, как считают некоторые авторы, конница⁹. Этот вывод чаще всего делается в силу очевидной связи аристократического статуса и всадничества. Однако исторические факты заставляют сомневаться в этом постулате, поскольку существование кавалерии в архаических

---

⁸ *Develin R.* Athenian Officials. 684–321 B.C. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 2.

⁹ См., например: *Туманс Х.* Военная организация греков в архаическую эпоху (Афины VIII–VI вв. до н.э.) // *Античное общество. Проблемы политической истории.* СПб.: СПбГУ, 1997. О слиянии понятий всадничества и аристократии: *Фролов Э.Д.* Рождение греческого полиса. Л.: ЛГУ, 1988. С. 109.

Афинах не зафиксировано¹⁰. В греческой истории едва ли был такой исторический период, как резонно замечает Х. ван Веес, в течение которого доминирующей силой армий была кавалерия¹¹.

Если это так, то судьбу аристократии следует связывать с появившейся в эти же столетия фалангой. Традиционно считается, что фаланга оказала демократизирующее воздействие на аристократическое общество¹². Возможно, так оно и было, поскольку фаланга объективно усиливала роль тех представителей демоса, которые были достаточно состоятельны, чтобы приобрести гоплитское вооружение. Но вряд ли фаланга могла снизить роль аристократии, которая и здесь нашла для себя место — в первых рядах сражающихся (*promachoi*). В связи с этим есть смысл вспомнить гомеровскую «Илиаду», хотя существование фаланги в гомеровское время оспаривается¹³. Стоит процитировать небезызвестное обращение Сарпедона к Главку:

Сын Гипплов! За что перед всеми нас отличают
Местом почетным, и брашном, и полной на пиршествах чашей
В царстве ликийском и смотрят на нас как на жителей неба?
И за что мы владеем на Ксанфе уделом великим,
Лучшей землей, виноград и пшеницу обильно плодящей?
Нам, предводителям, между передних героев ликийских
Должно стоять и в сраженьи пылающем первым сражаться.

(*Нот.* II. XII. 310–316,
пер. Н. Гнедича. Курсив наш. — В. Г.)

Другими словами, первенствующая роль аристократов на поле брани могла сохраниться и с появлением фаланги¹⁴. При этом аристо-

---

¹⁰ Подробнее см.: *Bugh G.R. The Horsemen of Athens.* Princeton: Princeton University Press, 1988. Ch. 1. О кавалерии в Афинах см. также: *Rhodes P.J. A Commentary...* P. 303–304.

¹¹ *van Wees H. Politics and Battlefield: Ideology in Greek Warfare // The Greek World / ed. by A. Powell. L.: Routledge, 1995. P. 169.*

¹² *Туманс Х. Рождение Афины.* СПб.: Гуманитарная академия, 2002. С. 164 и сл.

¹³ Там же. С. 164.

¹⁴ См.: *Morris I. Burial and Ancient Society. The Rise of the Greek City-State.* Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 197; *Суриков И.Е. Аристократия и демос...* С. 64–65.

кратия продолжала оставаться всадническим сословием, что ничуть не мешало ей воевать в пешем строю, т.е. быть *promachoi* — стоящими впереди¹⁵. Конь в этом случае оставался символом (и в большей мере именно символом) аристократического, рыцарского статуса.

Появлению аристократии сопутствовало распространение героических культов. В свое время нами было высказано предположение, что героические культы могли быть связаны с процессом формирования фратрий¹⁶. О том, что они представляли собой и как появились, практически ничего не известно. Мы не можем сказать, возникали ли они в недрах более крупных социальных образований — фил либо появились независимо от них. Упомянутая Аристотелем социальная структура, в которой филы состоят из фратрий (*Arist. Ath. Pol. fr. 3*), могла сложиться в более поздний период. Определенно можно сказать лишь то, что фратрии, только появившись, становятся основной политической ячейкой¹⁷. Это значит, что народное собрание, если оно тогда уже существовало, скорее всего, было собранием фратрий. Косвенно эту мысль подтверждает то, что традиция ничего не сообщает о связи фил с государственной организацией¹⁸. Подобная связь, а именно формирование филами совета 400, возникнет лишь при Солоне.

Возникновение героических культов можно связать с начавшейся на рубеже IX–VIII вв. до н.э. внутренней колонизацией Аттики.

---

¹⁵ Дополнительным подтверждением тому может служить надпись с могилы некоего Креза, павшего в бою, принадлежащего, возможно, к роду Алкмеонидов. В ней погибший также назван *promachos* (*Jeffery L.H. The Inscribed Gravestones of Archaic Athens // ABSA. 1962. No. 57. P. 144; Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М.: Издательство Института всеобщей истории РАН, 2000. С. 67*).

¹⁶ См.: *Гуцин В.Р. Архаическая Аттика. Динамика социальных отношений: дис. ... канд. истор. наук (на правах рукописи). СПб., 1992. С. 49 и сл., 52–53. См. также: Гуцин В.Р., Колобов А.В. Античная традиция: миф, история и политики // Традиционное политическое сознание: эволюция мифологем. Екатеринбург: УРО РАН, 2005. С. 91 и сл.*

¹⁷ *Humphreys S.C. Kinship in Ancient Athens. An Anthropological Analysis. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 566, n. 107.*

¹⁸ *Fine J.V.A. Ancient Greeks. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1983. P. 183.*

Рост населения сопровождается заселением ранее пустовавших или слабо освоенных районов, что исследователи определяют как внутреннюю колонизацию¹⁹. Именно к этому времени относятся обнаруженные археологами в тех или иных частях Аттики следы складывания культа героев (так называемого *tomb cult*), возникавшего вблизи древних микенских захоронений. Н. Колдстрим полагал, что это было связано с распространением гомеровского эпоса²⁰. Бросается в глаза связь изображений живых и погибших воинов, получивших распространение в вазописи, с героическими культурами²¹. А это, в свою очередь, указывает на связь культов с процессом формирования аристократии.

Э. Снодграсс, впрочем, считает появление культа героев результатом освоения территорий в процессе внутренней колонизации²². Таким способом земледельческим населением устанавливалась связь с осваиваемой им территорией. Ему возражает Дж. Витли, который видит в этом не столько результат освоения территории, сколько заявку местной знати на автохтонию в противовес Афинам²³. То есть он усматривает в появлении героических культов политический подтекст²⁴.

Другими словами, в VIII в. до н.э. можно говорить о появлении аристократии. В начале и середине VIII в. до н.э. появляются погребения, которые можно назвать аристократическими (например,

---

¹⁹ *Snodgrass A.M. Archaic Greece. The Age of Experiment. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1980. P. 23, 35–36; Coldstream J.N. Geometric Greece. L.: Benn, 1977. P. 133–135.*

²⁰ *Coldstream J.N. Hero Cults in the Age of Homer // JHS. 1976. Vol. 96; возражения см.: Morris I. Burial and Ancient Society... P. 193; Whitley J. Early States and Hero Cults: A Re-Appraisal // JHS. 1988. Vol. 108. P. 174.*

²¹ *Polignac de F. Cults, Territory and the Origins of the Greek City-State. Chicago: Chicago University Press, 1995. P. 129.*

²² *Snodgrass A.M. Archaeology and the Study of the Greek City // City and Country in the Ancient World / ed. by J. Rich, A. Wallace-Hadrill. L.: Routledge, 1991. P. 18.*

²³ *Whitley J. Early States... P. 178; Idem. Style and Society in Dark Age Greece. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 60–61.*

²⁴ *Idem. Early States... P. 181.*

кладбище Керамика и Дипилонские захоронения)²⁵. Особенностью данного периода становится появление богатых захоронений не только в Афинах, но и в Аттике²⁶. Следовательно, можно говорить о появлении аристократии как афинской, так и периферийной. Мало того, И. Моррис отмечает, что каждое сколько-нибудь крупное поселение имело свой собственный стиль погребений²⁷. Отмечается также, что немалая часть захоронений, находящихся за пределами города, — будем называть их аристократическими — были богаче афинских²⁸.

Можно предположить, что внутренняя колонизация, возникновение новых поселений, а также образование периферийной аристократии не могли не ослабить ранее существовавшие социальные и политические связи и даже привести к децентрализации. Формально городской и политический центр, каковым были Афины, существовал, но связи между центром и периферией могли быть ослаблены. Сошлемся на Фукидида, который, рассказывая о синойкизме Тезея, отмечал, что «...афиняне в течение долгого времени жили, пользуясь автономией, в разных частях своей страны» (*Thuc.* II. 16. 1, здесь и далее пер. Ф. Мищенко). Таким образом, синойкизм Тезея, если считать его исторической реальностью, становится процессом политического объединения Аттики. Мы полагаем, что происходит это в VIII в. до н.э.²⁹

Переход власти к аристократии в Афинах совпадает с появлением сословия *евпатридов*, превративших царей в государственных чиновников³⁰. Оформление *евпатридов* в сословие и их превраще-

---

²⁵ *Idem.* *Style and Society...* P. 182.

²⁶ *Ibid.* P. 56–57.

²⁷ *Morris I.* *Burial and Ancient Society...* P. 195.

²⁸ *Coldstream J.N.* *Geometric Greece...* P. 133–134. Любопытно, что так называемые дипилонские вазы были найдены не только в Афинах, но и в Аттике (*Idem.* *Warriors, Chariots, Dogs and Lions: A New Attic Geometric Amphora // BICS.* 1994. Vol. 39. P. 86).

²⁹ *Андреев Ю.В.* *От Евразии к Европе.* СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 780 и сл.; *Hall J.M.* *A History of the Archaic Greek World. Ca 1200–479 BCE.* 2nd ed. L.: Wiley-Blackwell, 2014. P. 245.

³⁰ *Ленская В.С.* *Эвпатриды: начало истории // ПИФК.* 1999. Вып. 8. С. 88.

ние в господствующий слой традиция также связывает с именем легендарного царя Тезей и проведенным им синойкизмом. Ему традиция приписывает разделение населения Афин на сословия (*Plut. Thes.* 24–25)³¹. Вот что по этому поводу пишет Плутарх: «Он (Тезей. — В. Г.) не хотел, чтобы его народ представлял беспорядочную, бесформенную, стекшуюся со всех сторон нестройную толпу, поэтому он первым разделил его на сословия благородных, землевладельцев и ремесленников. Благородным он поручил заведование религиозными обрядами, высшие правительственные места, сделал их блюстителями законов и толкователями тайн божеских и человеческих; но в остальном права их были те же, что и других граждан, — благородные имели преимущество в том, что им оказывалось больше почета» (*Plut. Thes.* 25, пер. В. Алексеева).

В политической сфере эмансипация аристократии проявлялась в том, что царская власть заменялась коллективной магистратурой — коллегией девяти архонтов, которые, согласно традиции, с 684/3 г. до н.э. стали избираться сроком на один год³². К архонтам относились архонт-эпоним, базилевс, полемарх и шесть фесмофетов:

Важнейшими и первыми по времени из должностей были базилевс, полемарх и архонт. Из них первую была должность базилевса, она была унаследованной от отцов. Второй присоединилась к ней должность полемарха, ввиду того что некоторые из царей оказались в военных делах слабыми. По этой причине и пригласили Иона, когда наступили затруднительные обстоятельства. Последней является должность архонта. ...Что же касается фесмофетов, то они стали избираться много лет спустя, когда уже выбирали должностных лиц на год. Они должны были записывать правовые положения и хра-

---

³¹ О *евпатридах* см.: *Hignett C. A History of the Athenian Constitution to the End of the 5th Century B.C.* Oxford: Clarendon Press, 1952. P. 78; *Sealey R. A History of the Greek City-States. 700–338 B.C.* Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1976. P. 116–119; *Ober J. Mass and Elite in Democratic Athens.* Princeton: Princeton University Press, 1989. P. 56–57; *Ленская В.С. Эвпатриды: начало истории...* И.Е. Суриков полагает, что евпатридами называлась не вся аристократия, а только те, кто проживали в Афинах (*Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии...* С. 11).

³² *Develin R. Op. cit.* P. 2, 27.

нить их для суда над спорящими сторонами. Вот почему из высших должностей эта одна не была более как годичной (*Arist. Ath. Pol.* 3. 2–4)³³.

Архонт-эпоним (или просто архонт) в этом перечне был, возможно, наиболее значимой магистратурой³⁴. Как представители исполнительной власти архонты были наделены значительными судебными полномочиями. «Архонты, — по словам Аристотеля, — имели право решать дела окончательно, а не так, как теперь, производить только предварительное расследование» (*Arist. Ath. Pol.* 3. 5). Полемархи возглавляли армию, басилевсы занимались религиозными вопросами, в их же ведении находились судебные дела об убийствах³⁵. Последней в этом перечне возникла комиссия фесмофетов, в задачу которой входила запись принимаемых решений³⁶. Не исключено, что это были решения упомянутых должностных лиц и судебные вердикты, выносимые ареопагитами.

Архонты, считает Ч. Хигнетт, председательствовали на заседаниях ареопага и народных собраний³⁷. Если последнее — руководство заседаниями народных собраний — можно допустить, то предположение о руководстве ими ареопагом вызывает сомнения. Этому противоречит рассмотренная выше процедура избрания архонтов ареопагитами, свидетельствующая о том, что статус последних был значительно выше. Аристотель сообщает, что после исполнения своих обязанностей архонты становились ареопагитами (*Arist. Ath. Pol.* 3. 6, ср.: *Plut. Sol.* 19)³⁸. А вот Плутарх считает, что бывшие архонты стали пополнять ареопаг лишь после реформ Солона. «Солон, — пишет он, — составил совет ареопага из ежегодно сменяю-

---

³³ Ibid.

³⁴ *Hignett C.* Op. cit. P. 74, см. также: *Rhodes P.J.* A Commentary... P. 99 ff.

³⁵ *Hignett C.* Op. cit. P. 74, 75.

³⁶ По словам Ч. Хигнетта, они выполняли сугубо юридические функции (*Ibid.* P. 76; см. также: *Gagarin M.* The Thesmothetai and the Earliest Athenian Tyranny Law // *TAPhA.* 1981. Vol. 111; *Rhodes P.J.* A Commentary... P. 102).

³⁷ *Hignett C.* Op. cit. P. 74.

³⁸ См. также: *Sealey R.* Regionalism in Archaic Athens // *Historia.* 1960. Bd. 9. H. 2. P. 167; *Idem.* A History of the Greek City-States... P. 96; *Badian E.* Archons and *strategoí* // *Antichthon.* 1971. Vol. 5; *Rhodes P.J.* A Commentary... P. 106–107, 769.

щихся архонтов; он и сам был членом его как бывший архонт» (*Plut. Sol.* 19, здесь и далее пер. С. Соболевского). В этом случае, однако, остается не до конца ясным, как формировался состав ареопага до реформ Солона. Поэтому к сообщению Аристотеля следует отнестись с большим доверием.

И тем не менее с учетом того, что архонты могли избираться ареопагитами, резонно предположить существование их тесной связи с ареопагом. Не исключено, что при вынесении наиболее важных решений архонты должны были консультироваться с ареопагитами — бывшими архонтами³⁹.

Для того чтобы конкретно представить себе механизм политического доминирования в период архаики, рассмотрим персональный состав архонтов. От периода, предшествующего реформам Солона, нам известны имена 24 должностных лиц, из которых 19 были архонтами-эпонимами⁴⁰. По-видимому, все они были представителями знатных фамилий, хотя довольно трудно определенно установить их принадлежность к тому или иному семейству или группе.

Предком будущего тирана Писистрата был, по-видимому, архонт Писистрат, занимавший этот пост в 669/8 г. до н.э.⁴¹ Можно предположить принадлежность к роду Филаидов двух Мильтиадов — архонтов 664/3 и 659/8 гг. до н.э.⁴² Другим представителем рода Филаидов мог быть Кипсел (сын Агаместора?) — архонт 597/6 г. до н.э.⁴³ Возможно, этот Кипсел был внуком коринфского тирана Кипсела и отцом олимпийца Мильтиада, ставшего тираном Херсонеса Фракийского (*Herod.* V. 34–38)⁴⁴. Архонтом 645/4 г. был Дропид (в ката-

---

³⁹ Hignett C. Op. cit. P. 92.

⁴⁰ См.: Develin R. Op. cit. P. 27–34. Говоря точнее, нам известны имена 18 архонтов, поскольку имя архонта 598/7 г. не поддается восстановлению (*Ibid.* P. 33). О других должностных лицах источники ничего не сообщают.

⁴¹ Develin R. Op. cit. P. 28.

⁴² *Ibid.* P. 29. Если в это время еще не существовало правило, согласно которому архонтом можно было избираться лишь один раз, можно предположить, что это один и тот же человек.

⁴³ *Ibid.* P. 34.

⁴⁴ См. о нем: *Владимирская О.Ю.* Мильтиад Старший — ойкист: к вопросу о взаимоотношении аристократов и тиранов // Мнемон. СПб.: СПбГУ, 2002.

логе Дж. Дэвиса — Дропид I)⁴⁵. Он, по всей видимости, был близким родственником, а возможно, даже отцом другого Дропида (II) — архонта 593/2 г. Последний, кроме того, мог быть родственником (*oikeiotes*) реформатора Солона (*Plato. Tim.* 20 e)⁴⁶. Не исключено также, что Дропид I был отцом Крития (I) — архонта 600/599 г.⁴⁷ У нас есть основания связывать будущего афинского реформатора Солона с упомянутым Критием и его семьей. Не исключено, что Алкмеониды, побуждаемые к тому Солоном, покинули Афины именно в год архонства Крития I⁴⁸. О другом Критии — сыне или внуке только что упомянутого — Солон говорит в одном из своих стихотворных отрывков:

Рыжему Критию надо сказать бы, отца чтобы чтил он:
Он не безумного так слушаться будет вождя.

(*Sol. fr.* 18 Diehl, пер. С. Радцига)

Архонтом 639/8 г. был некий Дамасий, возможно имеющий родственные связи с другим Дамасием — архонтом 582/1 г.⁴⁹ О последнем известно, что вскоре после реформ Солона он попытался силой сохранить за собой должность архонта (*Arist. Ath. Pol.* 13. 2)⁵⁰. Что касается других должностных лиц, очевидной представляется связь Мегакла — архонта 632/1 г., подавлявшего мятеж Килона, с семейством Алкмеонидов⁵¹. Последние представляли собой уникальное

⁴⁵ *Davies J.K.* Athenian Propertied Families. 600–300 B.C. Oxford: Clarendon Press, 1971. P. 322 ff.; *Develin R.* Op. cit. P. 29.

⁴⁶ *Davies J.K.* Op. cit. P. 322–324; *Develin R.* Op. cit. P. 38. Возможно, он был родным братом реформатора Солона (*Diog. Laert.* III. 1, см. также: *Ленская В.С.* Афинский род Кодридов // ВДИ. 2003. № 3. С. 124).

⁴⁷ *Develin R.* Op. cit. P. 33.

⁴⁸ *Rhodes P.J.* A Commentary... P. 84.

⁴⁹ *Develin R.* Op. cit. P. 40.

⁵⁰ Паросская хроника (Паросский Мрамор) называет его «второй Дамасий» (*Marm. Par.* 239 а 38), что П. Родс понимает как «молодой Дамасий» и считает это указанием на родственную связь с первым Дамасием — архонтом 639/8 г. до н.э. (*Rhodes P.J.* A Commentary... P. 182).

⁵¹ Комментарии и библиографию см.: *Develin R.* Op. cit. P. 30. Из последних работ на русском языке см.: *Зайцев А.И.* Заговор Килона // Античный мир.

явление в афинской истории. Впрочем, появление специальных исследований, посвященных данному семейству, позволяет нам избежать излишней детализации⁵².

При анализе списка должностных лиц, занимавших ключевые государственные посты до реформ Солона, бросается в глаза то, что упомянутыми именами исчерпывается перечень сколько-нибудь известных нам персонажей. Между тем к известным лицам, на наш взгляд, следует отнести несостоявшегося тирана и олимпионика Килона, законодателя Драконта, олимпионика Фринона и будущего реформатора Солона. Килон, возможно, также домогался высшей государственной должности. Не исключено, впрочем, что его привлекала не столько должность архонта, сколько возможность единоличного правления⁵³.

Особняком в числе упомянутых нами известных людей стоит Драконт, с именем которого традиция связывает изменение законодательства, называя его фесмофетом, т.е. законодателем (*Paus. IX. 36. 8*)⁵⁴. Любопытно, что именно он (если считать Драконта реальным лицом), а не высшее должностное лицо — в данном случае архонт-эпоним Аристе́хм — вводит новые законы (*Arist. Ath. Pol. 4. 1*). Н.Дж. Хэммонд усматривает в положении Драконта аналогию с Луцием Корнелием Суллой — в момент, когда тот стал dictator

---

Проблемы истории культуры. СПб.: СПбГУ, 1998; Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии... С. 78–124.

⁵² Об Алкмеонидах см.: Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии...; Владимирская О.Ю. Алкмеониды и мезизм в Афинах // Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб.: СПбГУ, 2002.

⁵³ Едва ли можно согласиться с Дж. Обером, который высказывает предположение, что Килон и его сторонники могут быть определены как *kakoi*, т.е. как богатые неаристократы (*Ober J. Mass and Elite...* P. 58–59). Фукидид прямо говорит, что Килон принадлежал к древнему и благородному роду (τῶν πάλαι εὐγενῆς τε καὶ δυνατῶς) (*Thuc. I. 126. 3*).

⁵⁴ *Develin R.* Op. cit. P. 31. О Драконте см. также: *Stroud R.S. Drakon's Law of Homicide.* Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1968; *Gagarin M. Drakon and Early Athenian Homicide Law.* New Haven: Yale University Press, 1981; *Rhodes P.J. A Commentary...* P. 112.

reipublicae constituendae causa⁵⁵. Действительно, не исключено, что первый афинский законодатель был наделен чрезвычайными полномочиями, сходными с полномочиями устроителя (эсимнета)⁵⁶.

Что касается других персонажей, то Фринон и Солон (прежде чем стать реформатором) были военачальниками⁵⁷. Правда, Солон был избран стратегом (военачальником) в экстраординарной ситуации, о чем еще будет сказано ниже.

Итак, что же можно сказать о политической значимости архонтов? Ч. Хигнетт, говоря о государственном устройстве Афин в древнейший период, замечает, что должность архонтов в этот период была главным объектом политических амбиций и партийной борьбы⁵⁸. Подтверждение можно найти у Аристотеля, рассказывающего, правда, о ситуации, сложившейся после реформ Солона. Сложности с избранием архонта, возникшие вскоре после отъезда Солона из Афин, а также попытка Дамасия удержать эту должность силой заставили Аристотеля предположить, что «архонт имел весьма большую силу, так как, по-видимому, все время шла борьба из-за этой должности» (*Arist. Ath. Pol.* 13. 2). Впрочем, следует иметь в виду, что сам автор высказывает эту мысль крайне осторожно.

Проведенный выше анализ персонального состава архонтов позволяет высказать несколько предположений. С одной стороны, мы видим среди архонтов представителей достаточно влиятельных фамилий — Филаидов, Алкмеонидов. Первые даже чаще других встречаются среди архонтов. Это наверняка является свидетельством влияния Филаидов. Но говорит ли это о значимости самой должности? Бросается в глаза то, что среди упомянутых персонажей почти не встречаются известные люди. Большую известность получили как раз те, кто не имел отношения к должности архонта, — например, Фринон, Драконт. Создается впечатление, что архонты-эпонимы

---

⁵⁵ *Hammond N.G.L. The Seisachtheia and the Nomothesia of Solon // JHS. 1940. Vol. 60. P. 82.*

⁵⁶ См.: *Rihll T.E. Lawgivers and Tyrants (Solon frs. 9–11 West) // CQ. 1989. Vol. 39. No. 2. P. 282.*

⁵⁷ *Develin R. Op. cit. P. 32, 33* (Р. Девелин называет Фринона и Солона стратегами).

⁵⁸ *Hignett C. Op. cit. P. 75.*

были скорее номинальными лидерами, нежели действительно влиятельными политиками. Поэтому мы считаем возможным присоединиться к мнению тех исследователей, которые полагают, что значение должности архонта в рассматриваемый период едва ли было велико. Годичная магистратура вряд ли могла стать политически значимой должностью. Хотя архонты могли быть лидерами аристократических *гетерий* (подобно Мегаклу, подавлявшему мятеж Киллона, о чем будет сказано ниже), мы полагаем, что эта магистратура, скорее всего, была начальной ступенью в политической карьере, поскольку открывала путь в ареопаг⁵⁹.

Быть может, большей властью располагали представительные или коллегиальные органы, скажем, народное собрание или ареопаг? О народном собрании, повторимся, мы практически ничего не слышим вплоть до реформ Солона. Можно лишь предполагать его существование⁶⁰. Что же в таком случае оно могло представлять собой? Известно, что в более позднее время голосование производилось по филам. Если бы так было до реформ Солона, то, как нам представляется, мы знали бы о филах чуть больше. Между тем сохранившаяся традиция содержит значительно больше информации о фратриях. В качестве примера можно указать на законодательство Драконта, в котором роль фратрии была достаточно велика⁶¹. Следовательно, если предполагать существование народного собрания до реформ Солона, резонно допустить, что афиняне голосовали по фратриям. А принимая во внимание предположение о взаимосвязи

---

⁵⁹ Sealey R. Regionalism... P. 167; Badian E. Archons and *strategoí*... P. 1–34. С. Хэмфриз высказывает предположение, что архонты в 20-х годах VI в. до н.э., т.е. при Писистратидах, были еще достаточно молодыми людьми (Humphreys S. C. Op. cit. P. 521, n. 2). Однако она не исключает, что это было особенностью только данного периода.

⁶⁰ И.Е. Суриков полагает, что народное собрание не играло значительной роли вплоть до реформ Солона. Кроме того, оно, по его мнению, охватывало не весь гражданский коллектив (Суриков И.Е. Античная Греция. Политики в контексте эпохи. М.: Наука, 2005. С. 108).

⁶¹ Напомним, что здесь комиссия из десяти членов фратрии, избранных из числа благородных, должна была решать вопрос о доступе в страну человека, совершившего преступление (IG I³ 103).

процессов появления аристократии и выделения фратрий в рамках фил, можно предположить, что влияние аристократии было подавляющим.

Если сказанное нами верно, не вызывает удивления, что демос действительно был отстранен от управления делами государства, т.е. роль народного собрания была ничтожна. В подтверждение этого упомянем ранее приведенный пассаж «Афинской политики», согласно которому демос «ни в чем... не имел своей доли» (*Arist. Ath. Pol.* 2. 2). Последнее следует понимать как указание на политическое бесправие демоса. Роль народной массы, принимающей политические решения, обнаруживалась лишь время от времени — в моменты обострения политической борьбы или во время стихийных сходок вооруженного народа. Так было, в частности, в период подавления заговора Килона. Фукидид рассказывает, что афиняне, утомленные долгой осадой, разошлись по домам, обязав девятирх архонтов вести осаду и снабдив их неограниченными полномочиями (ἐπιτρέψαντες τοῖς ἐννέα ἄρχουσι τὴν τε φυλακὴν καὶ τὸ πᾶν αὐτοκράτορσι διαθεῖναι) (*Thuc.* I. 126. 8). В последних словах слышатся отзвуки политического, коллегиально принятого решения. Сообщество осаждавших Килона вооруженных афинян превратилось, по видимому, в импровизированное народное собрание⁶². Но это было скорее исключением, нежели правилом. Спонтанно возникавшие народные сходки превращались в импровизированные народные собрания лишь в экстраординарных случаях.

Большой политический вес мог иметь в этот период ареопаг (*Arist. Ath. Pol.* 8. 2). До реформ Солона в руках ареопагитов были сосредоточены наиболее значимые властные полномочия. Ареопаг, как было сказано выше, мог контролировать не только процесс назначения высших должностных лиц, но и их деятельность. Удивля-

---

⁶² Так же будет и в момент назначения Солона лидером похода на о. Саламин. См. об этом: *Goušchin V. Pisistratus' Leadership in A.P.13.4 and the Establishment of the Tyranny of 561/60 B.C.* // *CQ.* 1999. Vol. 49. No. 1. P. 16, n. 18. P. Сили, говоря о времени правления Тридцати тиранов, замечает, что сходка вооруженных людей легко могла преобразоваться в политическое собрание (*Sealey R. The Athenian Republic. Democracy or the Rule of Law? University Park; L.: Pennsylvania State University Press, 1987. P. 96*).

ет, впрочем, то, что ни одно сколько-нибудь значимое событие этого времени не было связано с ареопагом⁶³.

Сказанное выше наводит на мысль о том, что искать наиболее влиятельный институт или магистратуру в архаический период едва ли оправданно. Скорее всего, реальная политическая власть осуществлялась *неформально*, т.е. вне политических институтов. Ею обладали представители наиболее знатных или влиятельных кланов или семей, опиравшиеся на собственные политические группировки (*гетерии*). Обращают на себя внимание слова Аристотеля о том, что в олигархических режимах избрание на высшие государственные должности было обусловлено большим имущественным цензом или принадлежностью к аристократическим *гетериям* (*Arist. Pol. V. 1305 b 30–35*). Следовательно, необходимым условием политического влияния была принадлежность к доминирующей политической группировке — *гетерии*⁶⁴.

Возможно, *гетерии* были связаны с институтом фратрий⁶⁵. В дорийских полисах, например, *гетерии* были аналогом афинских *фратрий*⁶⁶. В этом мы можем видеть еще одно подтверждение высказанного выше предположения о значительно большем социальном

---

⁶³ Некоторые исследователи считают, что основными функциями ареопага были не политические, а религиозные и судебные (см., например: *Hignett C. Op. cit. P. 89 ff.*). В последнее время высказывается мнение о том, что полномочия ареопага до реформ Солона едва ли были значительными (*Wallace R. W. The Areopagos Council... P. 14*). Д. Стоктон, наоборот, полагает, что ареопаг как единственный постоянно действующий орган был наиболее значимым (*Stockton D. The Classical Athenian Democracy. Oxford: Oxford University Press, 1990. P. 29*).

⁶⁴ См., например: *Donlan W. Chief and Followers in Pre-State Greece // From Political Economy to Anthropology: Situating Economic Life in Past Societies. Montreal; N.Y.: Black Rose Book, 1994. P. 34–51*. Во времена Гомера *гетерия* была одной из основных политических ячеек общества, а также важнейшим инструментом влияния и престижа (*Ibid. P. 39*). См. также: *Фролов Э.Д. Сообщества друзей // Альтернативные сообщества в античном мире. СПб.: СПбГУ, 2002. С. 16 и сл.*

⁶⁵ *Guarducci M. L'istituzione della fratria nella Grecia antica e nelle colonie greche d'Italia. Roma: Bardi, 1937. P. 10; Nilsson M.P. Geschichte der griechische Religion. Bd. 1. München: Beck, 1955. S. 672.*

⁶⁶ *Hignett C. Op. cit. P. 38; Roussel D. Tribu et Cité. Paris: Les Belles Lettres, 1976. P. 124 ff.*

весе *фратрий*. По форме *гетерия* была сообществом друзей-сотрапезников. Чаще всего ее члены — люди одного возраста и социального статуса⁶⁷. Именно такой была, скажем, *гетерия* Килона, объединявшая, по свидетельству Геродота, сверстников-одногодков (*Herod. V. 71*). Во главе каждой из таких *гетерий* стояла влиятельная фигура — лидер. Лидер, можно сказать, был ее интегрирующим фактором. Лидером, мы полагаем, мог стать далеко не каждый представитель аристократического семейства. Скорее всего, им становился отпрыск влиятельного семейства либо старший по возрасту. О Килоне, например, Фукидид говорит, что он был представителем древнего и влиятельного рода (τῶν πάλαι εὐγενῆς τε καὶ δυνατῶς) (*Thuc. I. 126. 3*). Помимо того, его лидерство подкреплялось женитьбой на дочери мегарского тирана Феагена.

На этом основании можно предположить отсутствие равенства внутри аристократии, т.е. своего рода ранжирование ее представителей. Плутарх, описывая ситуацию, сложившуюся в Афинах после смерти одного из влиятельных аристократических лидеров Кимона (середина V в. до н.э.), говорит, что «люди из так называемого хорошего общества были рассеяны по одиночке и смешаны с народом, так что блеск их происхождения терялся среди массы рядовых граждан» (*Plut. Per. 11*, пер. С. Лурье). Ситуация изменяется лишь с появлением нового лидера, каковым стал представитель влиятельного семейства — Фукидид, сын Мелесия.

Другой интересующий нас вопрос — существовал ли специальный термин, обозначающий лидеров *гетерий*? В источниках встречаются упоминания о неких *hegemones* или *demou hegemones* (*Sol. fr. 3. 7, 5. 7, 18. 2 Diehl; Arist. Ath. Pol. 26. 1*). Вот, например, как Солон описывает сложившуюся в Аттике ситуацию:

...Неразумьем своим сами граждане город великий
Ввергнуть в погибель хотят ради корысти одной.

И у народных вождей (δήμου θ' ἡγεμόνων) преисполнены

думы лукавства.

---

⁶⁷ Connor W.R. *The New Politicians of Fifth-Century Athens*. Princeton: Princeton University Press, 1971. P. 26; Welwei K.-W. *Die griechische Polis*. Stuttgart: Steiner, 1983. S. 49; Фролов Э.Д. *Сообщества друзей...* С. 19.

Горестей много их ждет ради надменности их.

Спеси (ὑβρις) своей ведь они подавлять не умеют и радость,
Данную ныне, венчать в тихом кругу за столом...

(Sol. fr. 3. 5–10 Diehl, пер. С. Радцига)

В данном случае в «народных вождах» следует, несомненно, видеть представителей аристократии⁶⁸. Очевидно также, что *гегемоны*, которым адресованы приведенные строки, не рядовые аристократы, а лидеры неких противоборствующих групп. Солон беспокоит то, что их спесь (*hybris*), проявлявшаяся в соперничестве, несет угрозу городу и его гражданам — рабство, которое пробуждает гражданскую смуту (Sol. fr. 3. 19–20 Diehl)⁶⁹. Поэт предлагает решать возникающие проблемы за пиршественным столом, т.е. из соперников стать сотрапезниками — войти в одну условную *гетерию*. Автор апеллирует к традиционным аристократическим образам и ценностям — совместная трапеза, пир представляется поэтом как символ социального порядка, идеальный способ разрешения возникающих конфликтов и противоречий⁷⁰.

В этой же связи есть смысл привести ранее цитировавшийся поэтический отрывок Солон:

Рыжему Критию надо сказать бы, отца чтобы чтил он:
Он не безумного так слушаться будет вождя (*hegemoni*).

(Sol. fr. 18. 1–2 Diehl, пер. С. Радцига)

По-видимому, юный аристократ Критий был крепче привязан к лидеру аристократической группировки (здесь — гегемону), нежели к отцу, т.е. гетериальная солидарность оказывалась крепче семейных уз. В связи с этим вспоминаются слова Фукидида о том, что в период

---

⁶⁸ Ferrara G. Solone ed i capi del popolo // PP. 1954. Vol. 37. P. 334–344; Donlan W. Changes and Shifts in the meaning of Demos in the literature of the Archaic period // PP. 1970. Fasc. 135. P. 338.

⁶⁹ Рабством Солон, по-видимому, называет установление власти одного человека, тирании.

⁷⁰ Дискуссию об этом см.: Schmitt-Pantel P. Sacrificial Meal and Symposion: Two Models of Civic Institutions in the Archaic City? // Symptotica. A Symposium on the Symposion / ed. by O. Murray. Oxford: Clarendon Press, 1990. P. 21.

Пелопоннесской войны, спровоцировавшей жесточайшие социальные смуты, узы гетериальной дружбы (или солидарности) оказывались даже сильнее семейных уз: «Родство связывало людей меньше, нежели узы гетерий, так как члены последних отваживались на все с большой готовностью и без всяких отговорок» (*Thuc.* III. 82. 6).

А вот что говорит о молодом Кимоне Аристотель: «В эту пору (после отражения нашествия Ксеркса? — В. Г.) как раз произошло такое совпадение, что партия благородных не имела даже вождя (первое место у них занимал Кимон, сын Мильтиада, человек слишком молодой и поздно обратившийся к занятию государственными делами [αὐτῶν προεστάναι Κίμωνα τὸν Μιλτιάδου, νεώτερον ὄντα καὶ πρὸς τὴν πόλιν ὀψὲ προσελθόντα]), да кроме того большинство их погибло на войне» (*Arist. Ath. Pol.* 26. 1). В тот момент Кимон был, по видимому, наиболее знатным — первенствовал среди аристократов (προεστάναι) — и поэтому мог стать лидером афинской аристократии, но, будучи слишком молодым человеком и неопытным политиком, он еще не мог быть их гегемоном, т.е. лидером аристократической группировки.

В качестве итога повторим ранее высказанное нами предположение: гегемонами могли именоваться лидеры аристократических группировок⁷¹. Впрочем, в период архаики едва ли можно ожидать существования разработанной социально-политической терминологии⁷². Основу *гетерии*, безусловно, составляли аристократы (а возможно, и не только они), связанные узами дружбы⁷³. В большей мере то, что связывало участников *гетерий*, напоминало семейные узы. Известно, что дружба у греков подразумевала помимо прочего еще

⁷¹ *Goušchin V.* Pisistratus' leadership... P. 15, n. 9; 17–18, n. 27. Мы не думаем, что *demou hegemones* следует отождествлять с аристократией вообще, как это делает Дж. Феррара (см.: *Ferrara G.* Op. cit. P. 339 ff.).

⁷² Относительно термина *гегемон* см. также: *Badian E.* Archons and strategoi... Appendix A. P. 31. Приведенные здесь примеры определенно указывают на связь *гегемонии* с военным руководством.

⁷³ *Dirlmeier F.* Filos und filia im vorhellenistischen Griechentum. München: Druck der Salesianischen Offizin, 1931; *Adkins A.W.H.* "Friendship" and "Self-Sufficiency" in Homer and Aristotle // *CQ.* 1963. Vol. 12. No. 1. P. 30–45; *Connor W.R.* Op. cit. P. 25 ff., 35 ff.

и *suttachia* (военный союз). Все, находящиеся за пределами дружеской ассоциации, могли рассматриваться как враждебные элементы⁷⁴. По этой причине *гетерии* со временем могли превратиться и превращались в мощный социально-политический инструмент. У.Р. Коннор называет взаимоотношения внутри *гетерии* «политической дружбой» (*political friendship*)⁷⁵.

Превращение *гетерии* в средство борьбы за власть можно датировать серединой или второй половиной VII в. до н.э. Это нашло свое отражение и в терминологии. В период архаики для обозначения той или иной политической группировки чаще использовался термин *стасис*, означавший одновременно и междоусобицу (e.g. *Arist. Ath. Pol.* 13. 4, 14. 4; ср. *Herod.* I. 60)⁷⁶. Смутой, как считает Э. Линтотт, *стасис* становится с того момента, как группировка начинает отождествляться с позицией, занимаемой тем или иным лидером⁷⁷.

Известно, что период архаики был временем ожесточенной борьбы аристократии и аристократических *гетерий* за власть и влияние. Причиной обострения политического противостояния было то, что власть осуществлялась, как мы говорили выше, неформально. Это означало, что механизм смены политических лидеров либо не существовал, либо просто не использовался. Подобный тип властных отношений можно охарактеризовать как кризисный, поскольку он был чреват серьезными социально-политическими потрясениями, которые несли в себе угрозу всему обществу. Кроме того, в политической жизни появляются новые черты и, в частности, тенденция к олигархизации — захват и стремление к удержанию власти представителями более влиятельных семей (кланов), опиравшихся на собственные группировки.

---

⁷⁴ *Earp F.R.* The Way of the Greeks. L.: Milford, 1929. P. 31 ff. Отсюда небезызвестное правило действовать во благо друзей и вредить врагам (*Plato. Menon*, 71 E).

⁷⁵ *Connor W.R.* Op. cit. P. 25.

⁷⁶ См также: *Зельин К.К.* Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н.э. М.: Наука, 1964. С. 71.

⁷⁷ *Lintott A.* Violence, Civile Strife and Revolution in Classical City. 750–330 B.C. L.: Croom Helm, 1982. P. 34.

Впервые мы видим *гетерию* и ее лидера борющимися за власть в момент заговора Килона (*Thuc.* I. 126)⁷⁸. Есть смысл присмотреться к этим событиям. «Был в Афинах некто Килон, — рассказывает Геродот, — победитель в Олимпии. Он до того возгордился, что стал добиваться тирании. С кучкой своих сверстников он пытался захватить акрополь. Когда это ему не удалось, Килон сел как “умоляющий о защите” у кумира богини. Старосты (в оригинале «пританы». — В. Г.) навкрарий, которые тогда правили в Афинах, склонили Килона с товарищами уйти оттуда, обещав сохранить им жизнь» (*Herod.* V. 71, пер. Г. Стратановского). А далее случилось нечто непредвиденное, и заговорщики были перебиты. При этом вина за убийство «умолявших» легла на Алкмеонидов.

В данной истории нас интересуют несколько аспектов. Прежде всего кто же такие «пританы навкрарий». По этому поводу среди исследователей нет единого мнения⁷⁹. В источниках содержатся сведения о том, что до реформ Клисфена Аттика делилась на навкрарии — 48 округов, каждый из которых был обязан поставлять по одному кораблю (*Schol. Aristoph.* Pac. 1200)⁸⁰. Судя по сообщению Аристотеля, реформами Клисфена навкрарии были заменены демями. «Учредил он (Клисфен. — В. Г.) и должность демархов, — читаем у Аристотеля, — которые имеют те же обязанности, что прежние навкрары, так как демы он образовал вместо навкрарий» (*Arist. Ath.* Pol. 21. 5). В следующем разделе мы обратимся к этой проблеме, а пока вернемся к истории Килона.

Фукидид рассказывает, что Килон, представитель древнего и влиятельного рода, олимпийский победитель решил на захват власти в Афинах. Собрав друзей и опираясь на военную поддержку своего зятя — мегарского тирана Феагена, он попытался захватить акрополь. Однако попытка оказалась неудачной. Источники свидетельствуют о том, что перед нами именно *гетерия*. Фукидид называет сподвижников Килона *οἱ δὲ μετὰ τοῦ Κύλωνος* — «те, кото-

⁷⁸ Из последних работ см.: Зайцев А.И. Указ. соч.; Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии... Гл. 2.

⁷⁹ Обсуждение и историографию см.: Зайцев А.И. Указ. соч. С. 62–66.

⁸⁰ См.: Бондарь Л.Д. Афинская триерархия V–IV вв. до н.э. // *Para bellum*. Вып. 15. 2002. С. 59.

рые с Килоном» (*Thuc.* I. 126. 9)⁸¹. Плутарх, в свою очередь, называет группировку Килона *синомосией* — эквивалентом понятия *гетерия*. Ф. Сартори считает *синомосию* позднейшей модификацией аристократической группировки, имевшей явную антигосударственную направленность⁸². Килону также противостояла аристократическая группировка — Мегакл и его ближайшие сторонники (*sustasiotai*)⁸³. Последнее может указывать еще и на то, что при осуществлении власти (а возможно, и в момент ее обретения) архонты опирались на собственные группировки — *гетерии*.

Если говорить о дальнейших исторических событиях, то после подавления заговора Килона мы наблюдаем изнурительную борьбу влиятельных политических кланов или семей. Заговор и особенно жестокость его подавления оказали существенное влияние на политический ландшафт. В результате расправы над тираном-неудачником, а главное, вследствие «осквернения» Алкмеонидов — убийства заговорщиков — было утрачено равновесие в обществе и правящей группировке, ядро которой, возможно, составляли Алкмеониды. Плутарх сообщает, что теперь основная борьба развернулась между ними и сторонниками Килона. «Оставшиеся в живых сообщники Килона, — пишет Плутарх, — опять вошли в силу и постоянно враждовали с партией Мегакла» (*Plut.* Sol. 12). И это было уже не столько соперничество аристократии, домогающейся власти и влияния, сколько борьба на уничтожение.

Итогом подавления заговора Килона было, пожалуй, и то, что афинская аристократия раскололась на две противоборствующие фракции: сторонники и противники Алкмеонидов⁸⁴. К последним,

---

⁸¹ Таким же образом в «Афинской политии» описываются группировки Мегакла и Ликурга (οἱ περὶ τὸν Μεγακλέα καὶ τὸν Λυκοῦργον) (*Arist.* Ath. Pol. 14. 3).

⁸² См.: *Sartori F.* Le etetie nella vita politica Ateniese del VI e V secolo A.C. Roma: Bretschneider, 1957. P. 159–190; см. также: *Никитюк Е.В.* К вопросу о гетериях в Греции в V–IV вв. до н.э. // Древние и средневековые цивилизации и варварский мир. Ставрополь: СГУ, 1999. С. 32–55. Вряд ли стоит удивляться тому, что Плутарх использует бывшее у него на слуху понятие.

⁸³ См.: *Frost F.J.* The Athenian Military before Cleisthenes // *Historia.* 1984. Bd. 3. H. 3. P. 286–287.

⁸⁴ См. также: *Кыйв М.* Три «партии» в Аттике в VI в. до н.э. в контексте социально-политической истории Архаических Афин // *Античный полис. Проб-*

очевидно, следует отнести тех, кто впоследствии добивался изгнания Алкмеонидов. Одним из таких людей был, надо думать, Мирон из Флии, ставший много позднее обвинителем на процессе, итогом которого будет изгнание Алкмеонидов (*Arist. Ath. Pol.* 1. 1; *Plut. Sol.* 12).

Трудно сказать что-либо определенное о другой, не менее влиятельной группе аристократов, именуемых Филаидами. Возможно, они имели дружеские связи с Коринфом, о чем свидетельствует использование в этом роду имени Кипсел. Филаидов нельзя назвать союзниками Алкмеонидов. Возможно, в тот момент, когда архонтом был Кипсел (597/6), доминировали противники находившихся в ссылке Алкмеонидов. А если учесть, что политический строй в Афинах накануне реформ Солона был, по словам Аристотеля, олигархическим (*Arist. Ath. Pol.* 2. 2), гипотетически можно предположить, что его основу могли составлять Филаиды.

Подавление заговора Килона и разгоревшаяся затем борьба основательно потрясли афинское общество. Вслед за этим, естественно, начинают предприниматься попытки стабилизировать ситуацию. Если законодательство Драконта связывать с ситуацией, сложившейся в Афинах после подавления заговора Килона, то его можно считать одной из таких попыток по восстановлению утраченного равновесия⁸⁵. Однако эти меры, по-видимому, не принесли желаемого результата. Вот тогда-то на политической арене появляется Солон. «...Раздор достиг высшей точки, — сообщает Плутарх, — и народ разделился на два лагеря. Солон, уже пользовавшийся тогда большой известностью, вместе с знатнейшими гражданами выступил посредниками между ними (παρῆλθεν εἰς μέσων ἄμα τοῖς ἀρίστοις); просьбами и убеждениями он уговорил так называемых “проклятых” (Алкмеонидов. — В. Г.) подвергнуться суду трехсот знатнейших граждан. Обвинителем выступил Мирон из Флии» (*Plut. Sol.* 12).

лемы социально-политической организации и идеологии античного общества. СПб.: СПбГУ, 1995. С. 66.

⁸⁵ См., например: Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса... С. 131; Суриков И.Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 39 и сл.

В итоге около 600 г. до н.э. Алкмеониды были осуждены: «...оставшиеся в живых были изгнаны, а трупы умерших были вырыты и выброшены за пределы страны» (*Plut. Sol. 12*; ср. *Arist. Ath. Pol. 1*)⁸⁶. Суд и изгнание, скорее всего, могли иметь место лишь после смерти главного участника этих событий и, надо думать, весьма влиятельного в годы своей жизни — Мегакла. В тот момент его сын Алкмеон — будущий олимпиец и отец другого Мегакла, лидера группировки *паралиев* — должен был быть еще слишком юным, чтобы вмешаться в ход событий. Обращает на себя внимание то, что Солон и участвовавшие в этой акции не стремились силой принудить Алкмеонидов к суду. С одной стороны, это свидетельствует об определенной близости Солона с Алкмеонидами, которых он впоследствии вернет из ссылки⁸⁷, с другой — указывает на стремление Солона разрешить кризис мирными средствами.

Изгнание Алкмеонидов существенно повлияло на политическую ситуацию в Аттике. С одной стороны, удаление рода, не принадлежащего к древнейшим и коренным аттическим родам⁸⁸, усиливало традиционную земледельческую аристократию, т.е. тех, кого условно можно было бы назвать евпатридами. Но, с другой стороны, удаление, можно сказать, спасло репутацию Алкмеонидов, поскольку их не оказалось среди тех алчных аристократов, которые обращали в рабство неоплатных должников, т.е. немалую часть афинского демоса.

Кроме того, удаление Алкмеонидов совпало с ослаблением внешнеполитических позиций Афин. «Вследствие этих смут, — говорит Плутарх, — и одновременного нападения мегарян афиняне потеряли Нисею и опять были вытеснены из Саламина. Населением овладел суеверный страх; являлись привидения; по заявлению гадателей,

---

⁸⁶ Мы следуем реконструкции П. Родса, датирующего изгнание Алкмеонидов и последовавшее затем очищение Аттики Эпименидом приблизительно 600 г. до н.э. (*Rhodes P.J. A Commentary...* P. 84). И.Е. Суриков не склонен доверять сообщению Плутарха, считая участие Солона анахронизмом (*Суриков И.Е. Из истории...* С. 37).

⁸⁷ См. об этом: *Кийв М. Три «партии» в Аттике...* С. 64; *Суриков И.Е. Из истории...* С. 133–140.

⁸⁸ *Rhodes P.J. A Commentary...* P. 187.

жертвы указывали, что кощунства и осквернения требуют очищения» (*Plut. Sol.* 12). Вот тогда-то и было совершено очищение Аттики прибывшим по приглашению Солона критянином Эпименидом⁸⁹.

Изгнание Алкмеонидов не внесло ожидаемого успокоения. Правда, теперь на первый план выходят противоречия между аристократией и демосом. На рубеже VII–VI вв. до н.э. в Аттике разразился жесточайший политический и социально-экономический кризис, поставивший под сомнение сам способ осуществления власти. Итогом правления аристократии стал не только политический, но и социально-экономический кризис, вызванный беспрецедентным по масштабам закабалением земледельцев⁹⁰.

1.2. *Eunomia*: Солон

Дальнейшие события в немалой степени стали реакцией на сложившуюся в Афинах и Аттике ситуацию. С одной стороны, она характеризовалась продолжавшимися конфликтами в среде аристократии, а с другой — бедственным положением демоса, что также было следствием господства аристократии. Конфликты в среде аристократии — явление неизбежное. Помимо борьбы за власть и влияние, остроту ситуации придавало господство так называемых агональных ценностей — непрестанное соперничество представителей аристократических семей. Итогом этой борьбы был захват и удержание власти победившей группировкой. Мы уже говорили, что строй, существовавший в Афинах до реформ Солона, Аристотель называет олигархическим. «...Он (Солон. — В. Г.) упразднил крайнюю олигархию, положил конец рабству простого народа и установил прародительскую демократию, удачно смешав элементы различных государственных устройств...» (*Arist. Pol.* 1273 b 37–38).

На этом фоне происходит активизация демоса, все чаще вынужденного заявлять о своей политической позиции. «...Главное было то, — замечает Аристотель, — что бедные находились в порабощении не только сами, но также и дети и жены. Назывались они пелата-

⁸⁹ Ibid. P. 84.

⁹⁰ Суриков И.Е. Античная Греция... С. 109.

ми и шестидольниками (*гектеморамии*. — В. Г.), потому что на таких арендных условиях обрабатывали поля богачей. Вся же вообще земля была в руках немногих. При этом, если эти бедняки не отдавали арендной платы, можно было увести в кабалу и их самих, и детей. Да и ссуды у всех обеспечивались личной кабалой вплоть до времени Солона. Он первый сделался *простатом* народа. Конечно, из тогдашних условий государственной жизни самым тяжелым и горьким для народа было рабское положение. Впрочем, и всем остальным он был тоже недоволен, потому что ни в чем, можно сказать, не имел своей доли» (*Arist. Ath. Pol.* 2. 2).

Итак, если верить «Афинской политике», в Атике складывалась крайне неблагоприятная ситуация. С одной стороны, ухудшение положения демоса и усиление нажима на него, а с другой — олигархизация политического режима⁹¹. Последнее означало, что возможности оказывать влияние на политическую ситуацию и занимать ключевые государственные посты были лишены даже некоторые представители аристократии. Речь идет о тех, кто, обладая богатством и (или) воинской доблестью, мог претендовать на участие в управлении государством, но при данном политическом устройстве был этого лишен.

Усиление давления на демос и станет той побудительной силой, которая вызовет его активизацию. А это, в свою очередь, приводит к важным переменам в политической жизни — народная масса превращается в серьезную политическую силу. Возможно, активизации демоса способствовала та часть аристократии, которая в условиях олигархии оказалась вытесненной из политической жизни. Опора на демос могла принести ей победу в политической борьбе. Вот почему уже в период архаики возникает новый тип политической группировки, возглавляемой «народными вожаками» (или *простатами* демоса) — теми аристократами, которые в политической борьбе предпочитали опираться на народ⁹². Именно в этой среде рождаются

---

⁹¹ См.: Wallace R.W. *Revolutions and a New Order in Solonian Athens // Origins of Democracy in Ancient Greece / ed. by K.A. Raaflaub, J. Ober, R.W. Wallace. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2007. P. 49 ff.*

⁹² О *простатах* см.: Гуцин В.Р. «Афинская политика» о «народных вождях» в VI в. до н.э. // Вестник СПбГУ. 1992. Сер. 2. Вып. 2. С. 100–113; Он же. Простаты и демагоги в «Политике» Аристотеля // Политическая история и историо-

новые идеи, в частности идея уравнивания одинаково могущественных людей — демократии, если так можно выразиться, для *всех* аристократов⁹³. Поскольку принцип родовитости (происхождения) менее всего подходил для такого объединения, оптимальным мог быть учет состоятельности, например размер земельных участков или их урожайность. На этом фоне и появляется новая в политической жизни архаических Афин фигура — *простат* демоса (*prostates tou demou*).

Появление *простатов* можно отнести к VI в. до н.э. Согласно Аристотелю, едва ли не все политические деятели архаического периода, начиная с Солона и заканчивая Клизфеном, были *простатами* демоса (e.g. *Arist. Ath. Pol.* 28. 2)⁹⁴. Заметим, впрочем, что данный термин более привычен для авторов V–IV вв. до н.э. Возможно, тогда это было обычным обозначением политического лидера. Но начиная с Фукидида, считает П. Родс, термин «*простат* демоса» стал использоваться преимущественно для обозначения лидера демократической группировки⁹⁵. Во времена Геродота, считает он, еще не

графия. От античности до современности. Петрозаводск: ПУ, 1994. С. 13–17; *Goušchin V. Pisistratus' leadership in A.P.13.4...* P. 14–19.

⁹³ Л. Фоксхолл полагает, что *этос* полисного общества состоял в стремлении к равенству одинаково влиятельных людей (*Foxhall L. A View from the Top: Evaluating the Solonian Property Classes // The Development of the polis in Archaic Greece. L.: Routledge, 1997. P. 120*). Х. Туманс в качестве предпосылок реформ Солона называет господствовавшие в среде аристократии идеи иерархического равенства «по достоинству». «Причем равенство “по достоинству”, — замечает он, — всегда означало равенство не по богатству, а по качествам, по благородству» (*Туманс Х. Рождение Афины... С. 244–245*).

⁹⁴ Некоторые исследователи расценивают данные «Афинской политики» как позднюю реконструкцию. См.: *Day J., Chambers M. Aristotle's History of Athenian Democracy. Los Angeles; Berkeley: University of California Press, 1961. P. 172; Schaefer H. S.v. Prostates // RE. Bd. 9. Suppl. Stuttgart: Metzler, 1962. Spt. 1289; Connor W.R. Op. cit. P. 112–113, n. 45; Rhodes P.J. A Commentary... P. 345–347. К.К. Зельин датирует появление *простатов* и *простасии* VI в. до н.э. (*Зельин К.К. Указ. соч. С. 128*).*

⁹⁵ *Rhodes P.J. A Commentary... P. 97. У.Р. Коннор* полагает, что термин вошел в политический обиход во времена Перикла, поскольку именно тогда политики начинают представлять себя защитниками полиса и демоса (*Connor W.R. Op. cit. P. 112–113*). Х. Шефер и М. Лэнг датируют появление *простатов* VI в. до н.э.

было серьезного социального расслоения, каковое стало повсеместно наблюдаться в период Пелопоннесской войны⁹⁶.

Однако термин «*простат*» используется и Геродотом. Мы имеем в виду споры о наилучшем политическом устройстве Персидской державы (Herod. III. 80–82). Характеризуя пороки демократического устройства, персидский царь Дарий говорит буквально следующее: «При демократии пороки опять-таки неизбежны, а лишь только низость и подлость проникают в общественные дела, то это не приводит к вражде среди подлых людей, а, напротив, [между ними] возникают крепкие дружеские связи. Ведь эти вредители общества обычно действуют заодно, [устраивая заговоры]. Так идет дело, пока какой-нибудь народный вождь (*πρόστᾱς τις τοῦ δήμου*) не покончит с ними. За это такого человека народ уважает, и затем этот прославленный [вождь] быстро становится единодержавным властителем» (Herod. III. 82). *Простат* здесь — явно демократический лидер.

То же значение термин «*простат*» имеет и в «Афинской политике», хотя реалии IV в. до н.э., для которого характерно обострение социальных антагонизмов, не могли не оставить свой след на социологии Аристотеля. *Простаты* демоса для него — прежде всего лидеры низших классов. Им противостояли аристократические лидеры (*prostatai ton gnorimon*)⁹⁷.

Таким образом, мы можем предположить, что использование термина «*простат*» по отношению к лидерам демократической направленности и в более позднее время было неслучайно. Во време-

---

(Schäfer H. S.v. Prostates... Spt. 1289–1293; Lang M. Cleon as the Anti-Pericles // CP. 1972. Vol. 67. P. 161, n. 3).

⁹⁶ Rhodes P.J. A Commentary... P. 88, 345.

⁹⁷ См.: Goušchin V. Pisistratus' leadership... P. 16, n. 14, 15. О социологических идеях Аристотеля см.: Day J., Chambers M. Op. cit. Ch. 3; Ober J. Aristotle's Political Sociology: Class, Status, and Order in the *Politics* // Essays on the Foundations of Aristotelian Political Science. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1991. Одновременное упоминание в «Афинской политике» *prostatai tou demou* и *ton gnorimon* (Arist. Ath. Pol. 28. 2; ср. Arist. Ath. Pol. 26. 1) выглядит скорее как случайное словоупотребление. Таким же образом можно объяснить употребление ряда других терминов, например термина «*архон*» (см.: Badian E. Archons and strategoi... Appendix A. P. 31–32).

на Фукидида и тем более Аристотеля смысл понятия «демос» был иным, нежели ранее. Для Геродота понятие «демос» еще не относилось только к представителям низших классов, но ко всем неаристократам⁹⁸. Иными словами, *простасия* могла существовать и до Фукидида с той лишь разницей, что *простаты* в то время были лидерами не столько социальных низов, сколько тех, кого можно назвать неаристократами.

Как же возникла *простасия* и что она представляла собой? Еще Ю. Белох, анализируя особенности политической борьбы в архаических полисах Греции, заметил, что терпящие поражение политические лидеры нередко прибегали к поддержке демоса⁹⁹. Обращение к демосу, по мнению Белоха, накладывало на обратившегося определенные обязательства. С приходом к власти тех, кто использовал демос в политической борьбе, немедленно следовали казни, высылки, конфискации имущества, освобождение демоса от налогов и перераспределение земель¹⁰⁰. Другой немецкий исследователь, Х. Шефер, даже называл связь демоса или какой-то его части с *простатом* формой зависимости¹⁰¹.

Об афинских *простатах* мы узнаем в связи с ситуацией, сложившейся в Аттике на рубеже VII–VI вв. до н.э. (*Arist. Ath. Pol.* 2. 1–2, 5. 1–2; *Plut. Sol.* 8–10). Выше уже шла речь о том, что господство аристократии привело к закабалению немалой части земледельцев, оказавшихся в той или иной форме зависимости от нее. Некоторые важные детали к характеристике ситуации добавляет Плутарх. Демос, страдавший от долгов, рассчитывал изменить свое положение завоеванием у соседних Мегар острова Саламин. Однако война не оправдала надежд демоса. «Афиняне, — пишет Плутарх, — утомленные долгой и тяжелой войной с мегарянами из-за Саламина, за-

⁹⁸ См.: *Goušchin V. Pisistratus' leadership...* P. 15, n. 10. Возможно, *демос* в это время состоял из тех, кого можно было бы назвать гоплитским классом (см.: *Fine J.V. Op. cit.* P. 209).

⁹⁹ *Beloch K.J. Griechische Geschichte.* Bd. 1. Berlin; Leipzig: De Gruyter, 1924. S. 355.

¹⁰⁰ *Ibid.*

¹⁰¹ *Schaefer H. Op. cit. Spt.* 1293. Эту точку зрения принял и К.К. Зельин (*Зельин К.К. Указ. соч.* С. 129).

претили законом, под страхом смертной казни, предлагать гражданам вновь в письменной или устной форме продолжать борьбу за Саламин» (*Plut. Sol.* 8). Солон, видя, что многие молодые люди (τῶν νέων ... πολλοὺς) ждут только повода, чтобы начать войну, обратился к афинянам со своим известным стихотворением «Саламин». Вдохновленные афиняне отменили принятый ранее закон, сделав Солона своим военачальником (*Plut. Sol.* 8). Назначение, по видимому, произошло в момент стихийно возникшего народного собрания, основными участниками которого были те, кто вместе с Солоном отправится вскоре завоевывать Саламин. Их основную массу составляли некие молодые люди — скорее всего, гоплиты¹⁰². Экспедиция оказалась удачной — остров был отвоеван афинянами.

Мегаряне, недовольные потерей острова, обратились к третьей-скому суду спартанцев. Однако и на суде Солону удается обосновать право афинян владеть островом (*Plut. Sol.* 10). Благодаря этим победам, замечает Плутарх, Солон стал известным и влиятельным (ἔνδοξος ἦν ὁ Σόλων καὶ μέγας) (*Plut. Sol.* 11)¹⁰³.

Впоследствии, когда в Аттике обостряется социально-экономический кризис, Солон вновь снискал себе расположение демоса. В своих знаменитых элегиях он с негодованием отзывается о тех, кто стремится нажить богатство несправедливо (*Sol. fr.* 1, 3 Diehl). Но и сами афиняне были полны решимости изменить ситуацию в Аттике: «...Огромное большинство, и к тому же люди большой физической силы (πλεῖστοι καὶ ῥωμαλέωτατοι), собирались и уговаривали друг друга не оставаться равнодушными зрителями, а выбрать себе одного вожака (ἐλομένους ἕνα προστάτην), надежного человека и освободить должников, пропустивших срок уплаты, а землю переделить и совершенно изменить государственный строй» (*Plut. Sol.* 13)¹⁰⁴. Так

---

¹⁰² О возможности превращения собрания вооруженных людей в народное собрание см.: Sealey R. *The Athenian Republic...* P. 96. Подобное могло, на наш взгляд, произойти и в данном случае.

¹⁰³ См. об этом: Гуцин В.Р., Колобов А.В. *Античная традиция: миф, история и политики // Традиционное политическое сознание: эволюция мифологем.* Екатеринбург: УРО РАН, 2005. С. 105 и сл.

¹⁰⁴ О Солоне как *простате* демоса говорит и Исократ (*Isocr.* XV. 232, 313 — *προστάτην τῆς πόλεως*).

Солон становится *простатом* демоса, а если быть совершенно точным, то демос избирает его своим лидером¹⁰⁵. Причиной тому было не только сочувствие народу, но целая программа, которую впоследствии и реализует Солон-реформатор.

Многих в Афинах уже не устраивало существующее государственное устройство. «Ввиду того, что существовал такой государственный порядок, — пишет Аристотель, — и большинство народа было в порабощении у немногих, народ восстал против знатных. Смута была сильная, и долгое время одни боролись против других; наконец они избрали сообща посредником и архонтом (εἰλοντο κοινῆ διαλλακτὴν καὶ ἄρχοντα) Солона и поручили ему устройство государства...» (*Arist. Ath. Pol.* 5. 1–2, ср. 2. 2).

Итак, в 594 г. до н.э. Солон избирается архонтом и примирителем (*diallaktes*). Причем избрание его архонтом могло произойти вопреки существовавшей ранее процедуре, требовавшей утверждения ареопага¹⁰⁶. Аристотель недвусмысленно говорит об избрании Солона сообща (*koine*). Поэтому возможно, что Солон, как полагает И.Е. Суриков, стал первым из архонтов, избранных путем всенародного голосования¹⁰⁷.

Есть смысл сказать несколько слов о полномочиях, которыми был наделен Солон. Его пребывание в должности архонта было ограничено одним годом¹⁰⁸. Очевидно, что за такое время он просто не мог бы произвести все те преобразования, которые ему приписывает традиция. Для их осуществления было бы необходимо, чтобы

¹⁰⁵ См. об этом: *Goušchin V. Pisistratus' Leadership...* P. 16.

¹⁰⁶ *Суриков И.Е. Античная Греция...* С. 126–127.

¹⁰⁷ Там же. С. 127. Дж. Дэйвис, правда, высказывает определенные сомнения в том, что столь молодой человек, каким на ту пору был Солон, мог быть наделен столь широкими полномочиями (*Davies J.K. Op. cit.* P. 322). Поэтому он склонен сдвинуть время реформ Солона к 80-м годам VI в. до н.э. Действительно, возрастной ценз для избрания на должность архонта был равен 30 годам. Это значило, что Солон родился между 630 и 625 гг. до н.э. (*Davies J.K. Op. cit.* P. 323), т.е. по тогдашним меркам был достаточно молодым человеком. Однако этот действительно молодой человек уже был известным в Афинах поэтом, к тому же за его плечами уже было взятие Саламина, т.е. военный успех.

¹⁰⁸ См.: *Develin R. Op. cit.* P. 37–38.

должность архонта перешла к его друзьям или единомышленникам. И действительно, архонтом следующего — 593/2 г. — станет Дропид, которого традиция называет родственником и другом Солона (*Plato, Tim.* 20e)¹⁰⁹. Но и двух лет, скорее всего, было бы недостаточно. Плутарх сообщает, что Солон писал свои законы в момент прибытия в Афины Анахарсиса (*Plut. Sol.* 5). Диоген Лаэртский относит приезд Анахарсиса ко времени архонтства Евкрата (*Diog. Laert.* I. 101), что может быть датировано 592/1 либо 589/8 г.¹¹⁰ Не исключено, что реформы продолжались и после этого¹¹¹.

В то же время можно предположить, что полномочия реформатора-диаллакты предполагали не только исполнение годичной магистратуры. Намек на это мы находим у Плутарха, который, по видимому, различает архонтство Солона и его последующие политические преобразования. «После Филомброта, — рассказывает Плутарх, — его (Солон. — В. Г.) выбрали архонтом, а вместе с тем посредником и законодателем» (*Plut. Sol.* 14). Но далее, рассказав об экономических реформах Солона и, в частности, о сисахфии, он замечает: «...афиняне скоро поняли пользу этой меры и, оставив свой ропот, устроили общее жертвоприношение, которое назвали сисахфией, а Солон назначили исправителем государственного строя и законодателем» (*Plut. Sol.* 16). Если полагаться на сообщение Плутарха, диаллактом Солон становится не сразу. Правда, мы сомневаемся в основательности данного утверждения, поскольку в условиях кризиса и смуты Солон прежде всего должен выступить как примиритель.

Р. Сили относит ко времени архонтства Солона лишь его закон об амнистии (о нем ниже). Исследователь полагает, что в дальнейшем Солон, скорее всего, возглавил законодательную комиссию, за-

---

¹⁰⁹ *Develin R.* Op. cit. P. 38. В диалоге Платона «Хармид» упоминается Критий, сын Дропида, дядей которого был сторонник Перикла Пириламп (*Plato, Charm.* 157 e).

¹¹⁰ *Develin R.* Op. cit. P. 38–39. Р. Девелин отдает предпочтение 592/1 г. до н.э.

¹¹¹ О датировке реформ Солон см.: *Hignett C.* Op. cit. P. 316–321. Р. Сили считает, что Солон проводил свои реформы вплоть до 570 г. до н.э. (*Sealey R. Regionalism in Archaic Athens...* P. 167; *Idem. A History of the Greek City-States...* P. 121–122).

нимавшуюся реформированием законодательства¹¹². На наш взгляд, для осуществления реформ Солону — подобно Клисфену — достаточно было оставаться *простатом*, т.е. лицом, наделенным в большей мере неформальной властью и влиянием¹¹³. Если это так, то избрание Солона на высшую государственную должность сроком на один год имело скорее символическое, нежели практическое значение. Впрочем, можно предположить, что в кризисные моменты значение должности архонта-эпонима могло возрастать.

Как бы то ни было, Солон определенно был наделен некими чрезвычайными полномочиями. Любопытна реакция на это афинян, ожидавших кардинальных реформ. Среди призывов к изменению государственного строя слышались и призывы к установлению тирании. «Ввиду этого обе стороны (богатые и бедные. — *В. Г.*) были одушевлены большими надеждами, — читаем у Плутарха, — руководители их (οἱ προϊστάμενοι) предлагали Солону установить тиранию, убеждали его взяться за государственные дела с большой решительностью, когда власть будет у него в руках. Равным образом многие не примыкавшие ни к одной из сторон граждане (у Плутарха буквально: πολλοὶ δὲ καὶ τῶν διὰ μέσου πολιτῶν, т.е. многие из средних граждан. — *В. Г.*), видя непреодолимую трудность проведения реформ на основе только здравого рассудка и закона, не возражали против вручения верховной власти одному лицу, отличающемуся честностью и рассудительностью. ...Особенно осуждали Солонна друзья его за то, что он боится “единовластия” (τὴν μοναρχίαν) только из-за его названия, как будто оно при высоких нравственных качествах лица, получившего его, не могло в скором времени превратиться во власть басилевса, как будто не было раньше единовластия, когда в прежнее время эвбейцы выбрали тираном Тиннонда, а теперь митиленцы — Питтака» (*Plut. Sol.* 14)¹¹⁴.

¹¹² *Sealey R.* A History of the Greek City-States... P. 121–122.

¹¹³ О Клисфене, который во время проведения им реформ мог и не занимать официальной государственной должности, см. подразд. 1.4 наст. изд.

¹¹⁴ Данный отрывок рождает определенные сомнения, поскольку известно, что Питтак был избран *эсимнетом* позднее — в 590 г. до н.э., т.е. после избрания Солона архонтом (*Берве Г.* Тираны Греции. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 120; *Пальцева Л.А.* Питтак Митиленский (к вопросу об эсимнетии в архаической

Если все было так, как описывает Плутарх, то мы можем судить о настроениях едва ли не всего афинского общества. Это — и руководители борющихся группировок, и средние граждане, и, наконец, друзья Солона. И все они предлагают Солону единоличную власть, поскольку *протасия* могла стать ступенью к захвату власти. Однако реформатор с гневом отвергает эти предложения, ибо для него это равносильно предложению стать тираном. Особенно четко его нежелание править единолично звучит в отрывках стихотворения «К Фоку» (*Sol. fr. 23 Diehl*). Вот как оно выглядит, судя по сохранившимся отрывкам:

Нет, ни опытным, ни мудрым не был никогда Солон:
Божество ему давало много благ, но он не взял,
Радуясь, он сеть закинул, только вытащить не смог,
Помутился его разум, был он мужества лишен.
А вот я, чтоб только властью и богатством завладеть
И тираном стать в Афинах на один всего денек,
Дал содрать с себя бы шкуру и весь род свой погубить.
(*Sol. fr. 23. 1–7 Diehl*, пер. С. Соболевского)

Далее:

Если землю пощадил
И тирана власть суровую не взял,
То свое тем самым имя не покрыл позором я...
(*Sol. fr. 23. 8–11 Diehl*, пер. С. Соболевского)

И наконец:

Мне равно не по душе —
Силой править тирании, как и в пажитях родных
Дать худым и благородным долю равную иметь.
(*Sol. fr. 23. 18–21 Diehl*, пер. С. Радцига)

Почему же Солон отвергает единовластие? С одной стороны, по моральным соображениям: быть тираном, говорит поэт, позорно.

Греции) // Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб.: СПбГУ, 2002. С. 30).

Возможно, единовластие было несимпатично поэту и по политическим соображениям: то, что предлагалось Солону, отмечал Г. Берве, противоречило его видению политического устройства Афин — *евномии*¹¹⁵.

Став архонтом и *диаллактом*, Солон, по словам Плутарха, «прежде всего отменил все законы Драконта, кроме законов об убийстве» (*Plut. Sol.* 17). Одним из первых его законов, полагает С.Я. Лурье, был так называемый закон об амнистии¹¹⁶. Его текст приводит Плутарх: «...на тринадцатой таблице Солона в восьмом законе сказано буквально следующее: “Из числа лиц, лишенных гражданских прав, все те, кто был лишен их раньше, чем Солон стал архонтом, должны быть восстановлены в правах, за исключением тех, которые, будучи осуждены царями в ареопаге, или у эфетов, или в пританее за убийство отдельных лиц, или за массовые убийства во время смуты, или за стремление к тирании, находились в изгнании во время обнародования этого закона”» (*Plut. Sol.* 19). Этот закон нередко рассматривается как мера, призванная изменить и смягчить драконтово законодательство¹¹⁷. Но в то же время в этом законе ощущается стремление Солона-*диалакта* примирить противоборствующие стороны¹¹⁸.

Определенно, что одним из первых стало другое известное преобразование Солона — так называемая *сисахфия* (стряхивание бремени). «Взяв дела в свои руки, — рассказывает Аристотель, — Солон освободил народ и в текущий момент, и на будущее время, воспротивив обеспечивать ссуды личной кабалой. Затем он издал законы и произвел отмену долгов, как частных, так и государственных, что называют сисахфией, потому что люди как бы стряхнули с себя бремя» (*Arist. Ath. Pol.* 6. 1). Ему вторит Плутарх: «Первым актом его государственной деятельности был закон, в силу которого существовавшие долги были прощены и на будущее время запрещалось давать деньги в долг “под залог тела”» (*Plut. Sol.* 15).

¹¹⁵ Берве Г. Указ. соч. С. 9.

¹¹⁶ Лурье С.Я. История Греции. СПб.: СПбГУ, 1993. С. 188.

¹¹⁷ Пальцева Л.А. К вопросу о составе законодательства Драконта // Мнемон. 2007. Вып. 6. С. 205–206.

¹¹⁸ Хаммонд Н. История Древней Греции. М.: Центрполиграф, 2003. С. 176.

В нашу задачу не входит обсуждение деталей данной меры. Заметим лишь, что сказанное Аристотелем и Плутархом можно понимать буквально, т.е. как разовую кассацию долгов¹¹⁹. Однако некоторые авторы предлагают иную трактовку. Они полагают, что в источниках воспроизводятся позднейшие, значительно модернизированные представления о том, что было сделано Солоном. По их мнению, речь может идти лишь об отмене тех обязательств, которые превратили часть земледельцев в *гектеморов*¹²⁰. При этом нередко ссылаются на цитируемого Плутархом аттидографа Андротиона, который замечает, что «бедные удовольствовались тем, что Солон облегчил их положение не уничтожением долгов, а уменьшением процентов, и сисахфией называли этот благодетельный закон и одновременно с ним увеличение мер и возвышение ценности денег. Так, из мины, содержавшей прежде 73 драхмы, он сделал 100 драхм; таким образом, должники уплачивали по числу ту же сумму, но по стоимости меньшую; через это платившие получали большую пользу, а получавшие не терпели никакого убытка» (*FGrHist* 324 F34 = *Plut. Sol.* 15)¹²¹. Правда, сам Плутарх тут же оговаривается, что «большинство авторов утверждают, что сисахфия состояла в уничтожении долговых обязательств, и стихотворения Солона находятся в большом согласии с этим свидетельством» (*Plut. Sol.* 15). Очевидно, что вопрос о сущности проведенной Солоном меры во времена Плутарха был дискуссионным. Мы со своей стороны пока не видим оснований для пересмотра традиционной трактовки *сисахфии* как кассации долгов.

Итак, первоначально Солон решил вопрос о долгах, а затем, судя по сообщению Аристотеля, издал новые законы, касающиеся поли-

---

¹¹⁹ См.: Суриков И.Е. Античная Греция... С. 128.

¹²⁰ Обсуждение и библиографию см.: Rhodes P.J. The Reforms and Laws of Solon: an Optimistic View // Solon of Athens. New Historical and Philological Approaches/ ed. by J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois. Leiden: Brill, 2006. P. 252–253; см. также: Harris E.M. A New Solution to the Riddle of the *seisachtheia* // The Development of the *polis* in Archaic Greece. L.: Routledge, 1997. P. 103–112.

¹²¹ К. Моссе считает это модернизацией (Mossé C. How a Political Myth Takes Shape: Solon, “Founding Father” of Athenian Democracy // Athenian Democracy. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2004. P. 245).

тического устройства. Эту мысль Аристотель подчеркивает и далее: «Но раньше законодательства он произвел отмену долгов, а после всего этого увеличение мер, весов и монеты» (*Arist. Ath. Pol.* 10. 1). Кстати, *сисахфию* Аристотель (в отличие от Плутарха) не называет *nomos*, т.е. законом. Возможно, принятие закона требовало соблюдения неких формальных процедур, например утверждения народным собранием и т.п. Замечено, что в отличие от Аристотеля, который по отношению ко многим преобразованиям Солона использует термин *nomoi* (законы), сам Солон свои решения называет *фесмами* (*thesmoi*), т.е. установлениями или постановлениями (народного собрания — ?)¹²².

Законом Аристотель называет, например, так называемую цензовую реформу¹²³. Солон, как известно, разделил все гражданское население на имущественные классы. «На основании оценки имущества, — отмечает Аристотель, — он ввел разделение на четыре класса, каковое разделение было уже и раньше — на пентакосиомедимнов, всадников, зевгитов и фетов. ...К пентакосиомедимнам должен был принадлежать всякий, кто со своей земли получает 500 мер в совокупности сухих и жидких продуктов; к всадникам — получающие 300 или, по утверждению некоторых, такие люди, которые могли содержать коня. ...К классу зевгитов должны были принадлежать те, которые получали 200 мер того и другого вместе, а остальные — к классу фетов...» (*Arist. Ath. Pol.* 7. 3, 4).

А вот как содержание реформы излагается Плутархом: «...Желая оставить все высшие должности за богатыми, как было и прежде, а к прочим должностям, в исполнении которых простой народ раньше не участвовал, допустить и его, Солон ввел оценку имуще-

¹²² Ibid. Для К. Моссе это очередной повод усомниться в аутентичности информации о реформах Солона.

¹²³ См.: *Гущин В.Р.* Цензовая реформа Солона и кризис в Аттике на рубеже VII–VI вв. до н.э. // ВДИ. 2011. № 3. Дж. Сен-Круа сомневается в том, что цензовая реформа может быть отнесена к числу законов. Введение разрядов он считает частью солоновской конституции (*politeia*). Это означает, что сведения о них не содержались на так называемых *аксонах* и *кирбах* (*Ste Croix de G.E.M. Athenian Democratic Origins and Other Essays*. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 32).

ства граждан. Так, тех, кто производил в совокупности пятьсот мер продуктов, как сухих, так и жидких, он поставил первыми и назвал их “пентакосиомедимнами”, вторыми поставил тех, кто мог содержать лошадь или производить триста мер; этих называли “принадлежащими к всадникам”; “зевгитами” были названы люди третьего ценза, у которых было двести мер и тех и других продуктов вместе. Все остальные назывались “фетами”; им он не позволил исполнять никакой должности; они участвовали в управлении лишь тем, что могли присутствовать в народном собрании и быть судьями» (*Plut. Sol.* 18). Поллукс добавляет к этому, что каждый из названных классов платил определенный налог в общественную казну: пентакосиомедимны — один талант, всадники — половину таланта, зевгиты — 10 мин, феты же были свободны от уплаты налога (*Poll.* VIII. 130–131)¹²⁴.

Прежде чем обсудить проблему цензовых классов в принципе, отметим, что в литературе уже давно высказываются сомнения относительно того, что сообщает Аристотель в «Афинской политике»¹²⁵. Бросается в глаза то, что автор осторожен в своих высказываниях. Он стремится привести доказательства того, что упомянутые им разряды действительно связаны с размером урожая. Это касается, в частности, всадников: «Впрочем, вернее, что этот класс характеризовался по количеству мер дохода, так же как класс пентакосиомедимнов» (*Arist. Ath. Pol.* 7. 4). Но наибольшее недоумение вызывает то, что упомянута одна и та же мера для жидких (например, вино или оливковое масло) и сыпучих продуктов (пшеница, ячмень). Между тем исследователями отмечается, что в Древней Греции урожаи этих продуктов исчислялись по-разному¹²⁶. Это наводит на мысль о том, что указанные Аристотелем *размеры* урожая, скорее всего, появились значительно позже. К такому выводу приходит и П. Родс, считающий, что разделение на классы в зависимости от урожая возникло несколько позднее¹²⁷.

---

¹²⁴ См. также: *Ste Croix de G.E.M.* Op. cit. P. 28 ff.

¹²⁵ *Гущин В.Р.* Цензовая реформа Солона... С. 109.

¹²⁶ Анализ и литература: *Rhodes P.J.* A Commentary... P. 140–141; *Ste Croix de G.E.M.* Op. cit. P. 34 ff.

¹²⁷ *Rhodes P.J.* The Reforms and Laws of Solon... P. 253.

И все же, несмотря на определенное недоверие к приводимым Аристотелем цифрам, размер урожая, тесно связанный с величиной земельного участка, не мог не учитываться реформатором¹²⁸. Если принять упомянутую выше точку зрения, останется не вполне ясным, что же было критерием разделения на классы. Наконец, как быть с *пентакосиомедимнами*, само наименование которых прямо указывает на связь с размером урожая¹²⁹.

Характерно, что введенный Солоном ценз имел натуральную форму, т.е. исчислялся не денежными единицами, а размером урожая. Это при том, что деньги — в той или иной их ипостаси — уже появились и могли достаточно широко использоваться. Исходя из этого, можно допустить и то, что у кого-то денег было больше, а у кого-то меньше. Но Солон не захотел с этим считаться, устанавливая натуральный ценз. Таким образом, правами наделялись лишь собственники земли — те, кто собирал со своих участков хоть какой-то урожай¹³⁰.

На наш взгляд, связь классов с землевладением можно и нужно отнести ко времени Солона. И несмотря на некоторую путаницу в источниках, выскажем предположение, что цензовые классы все же могли быть связаны с размером урожая, в каких бы единицах он ни исчислялся¹³¹.

Как бы то ни было, во времена Солона (как, впрочем, и ранее) указанные разряды могли быть связаны и с военной сферой. Появление классов (социальных групп), которые, если верить Аристотелю, во времена Солона стали имущественными группами, возможно отнести к более раннему периоду. Существование таких классов (или групп) в период, предшествующий реформам Солона, признается

¹²⁸ При этом мы бы не настаивали на слове «урожай», поскольку всаднический статус мог быть связан не только с высоким урожаем зерновых, но и с наличием пастбищ и т.п.

¹²⁹ Правда, Дж. Сен-Круа, поддерживаемый П. Родсом, полагает, что связь с размером урожая устанавливалась только для пентакосиомедимнов, тогда как для других разрядов она была не обязательна (*Ste Croix de G.E.M.* Op. cit. P. 51; см. также: *Rhodes P.J.* The Reforms and Laws of Solon... P. 253). Однако это всего лишь гипотеза, пока не находящая подтверждения в источниках.

¹³⁰ Гуцин В.Р. Цензовая реформа Солона... С. 108.

¹³¹ Там же. С. 109.

многими современными исследователями¹³². Всадничество, например, по мнению некоторых исследователей, возникает на рубеже VIII–VII вв. до н.э. вместе с конницей¹³³. Затем появляется фаланга, и конница становится вспомогательным родом войска¹³⁴. Однако в предыдущем разделе работы мы уже говорили об отсутствии кавалерии в архаических Афинах. Скорее всего, конь был лишь символом аристократического — рыцарского, если так можно сказать, статуса. Что же касается всадников, то ими назывались те, кто имел возможность содержать коня (или упряжку коней). Это и было отличительным признаком аристократического статуса¹³⁵. Аристократия, даже будучи всадническим сословием, и с появлением фаланги могла сохранять за собой первенство — воевать в пешем строю, но в первых рядах (*promachoi*). Все это способствовало возникновению, как минимум, двух социальных групп (или классов) — всадников и гоплитов (будущих зевгитов). Те же, кто не входил ни в одну из этих групп, могли образовывать отдельный социальный слой — фетов. Следовательно, если сказанное нами верно, то всадники, зевгиты и, возможно, феты могли появиться еще до реформ Солона¹³⁶. В таком случае можно предположить, что к уже существовавшим классам Солон добавил пятисотмерников — *пентакосиомедимнов*¹³⁷.

---

¹³² О существовании классов до реформ Солона см.: *Sealey R. Regionalism... P. 161–162; Rhodes P.J. A Commentary... P. 137–138*. О классах см. также: *Foxhall L. Op. cit. P. 113–136; Rosivach V.J. The Requirements for Solonic Classes in Aristotle. AP 7. 4 // Hermes. 2002. Bd. 130. P. 36–47; Ste Croix de G.E.M. Op. cit. P. 48; Суриков И.Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М.: Языки славянских культур, 2004. С. 76.*

¹³³ См.: *Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса... С. 109.*

¹³⁴ *Туманс Х. Военная организация греков в архаическую эпоху... С. 14.*

¹³⁵ Подробнее см.: *Bugh G.R. Op. cit. Ch.1.*

¹³⁶ См. также: *Суриков И.Е. Античная Греция... С. 97.*

¹³⁷ О том, что *пентакосиомедимны* были искусственно созданным дополнением к ранее существовавшим группам, см.: *Sealey R. Regionalism... P. 161–162; Rhodes P.J. A Commentary... P. 137–138; van Wees H. Citizens and Soldiers in Archaic Athens // Defining Citizenship in Archaic Greece / ed. by A. Duploy, R. Brock. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 138–139. Об экономической подоплеке образования классов см.: *Foxhall L. Op. cit. P. 129 ff.**

Чего же добивался реформатор цензовой реформой? Если до Солона упомянутые выше группы были связаны преимущественно с военной сферой, то в результате цензовой реформы эта связь должна была отойти на второй план, уступив место иным критериям. Очевидно акценты смещались из военной сферы в земледельческую. При этом обладание гражданскими правами начинает увязываться с обработкой земли, а точнее с ее эффективностью. Значит ли это, что в результате реформ прав гражданства могли лишиться те, кто не владел землей, — например, купцы и ремесленники? Х. Туманс полагает, что в этом-то и была цель реформатора. Таким образом, считает он, Солон исключал из государственного управления «новых людей», богатство которых измерялось деньгами¹³⁸. Косвенным подтверждением тому могут являться туманные высказывания Плутарха о том, что вскоре после реформ Солона ценз рассчитывали в денежном эквиваленте, а не по размеру урожая¹³⁹.

Позволим себе не согласиться с высказанными суждениями. Вряд ли намерение Солона состояло в том, чтобы лишить неземледельческое население политических прав. Судя по сообщениям древних авторов, он охотно предоставлял права гражданства проживавшим в Афинах ремесленникам. От Плутарха мы узнаем о существовании закона о «вновь пожалованных гражданах». Солон предоставлял права афинского гражданства тем, кто навсегда изгонялся из родных городов, и тем, кто переселялся в Афины с целью занятия ремеслом (*Plut. Sol. 24*)¹⁴⁰. Хотя названный закон можно считать исключительной мерой, вряд ли Солон ставил перед собой цель лишить гражданских и политических прав неземледельческое население Афин и Аттики. Можно предположить, что гражданских прав лишались (или не наделялись ими) не те, кто не занимался зем-

¹³⁸ Туманс Х. Рождение Афины... С. 242.

¹³⁹ См. об этом: *Lèvêque P. L'Aventure grecque*. Paris: Colin, 1964. P. 188. Х. Туманс полагает, что происходит это только при Клисфене (Туманс Х. Рождение Афины... С. 246, 378–379). К. Моссе сомневается в надежности этой информации (*Mossé C. Op. cit. P. 252*).

¹⁴⁰ Кстати, это один из немногих законов, в аутентичность которого верит К. Моссе (*Mossé C. Op. cit. P. 249*).

ледельческим трудом, а те, кто не имел права владеть землей в Аттике. Ну, а те, кто владел землей, побуждались заниматься земледелием, которое, по мысли реформатора, было единственно надежным способом обретения достатка. По-видимому, далеко не все афиняне сохраняли связь с землей, предпочитая добывать средства к существованию (и наживаться) иными путями¹⁴¹.

Если это так, сказанное указывает на определенный архаизм и даже консерватизм цензовой реформы. В связи с этим вспоминаются следующие строки из стихотворения Солона:

Много людей и худых (*kakoi*) богатеет, а добрые — бедны.
Но у худых ни за что не променяем своей
Доблести мы на богатство: она ведь при нас неизменно
Деньги ж сегодня один, завтра захватит другой.

(*Sol. fr. 24 Diehl*, пер. С. Радцига)

Нередко упоминаемую здесь группу (*kakoi*) наделяют социальными чертами и рассматривают как людей низкого социального статуса, например как богатых неаристократов¹⁴². Однако сказанное выше позволяет взглянуть на них иначе. Перед нами, скорее всего, не социальная группа, а моральная оценка действий некоторых из граждан. В упоминаемых Солоном *kakoi* следует, пожалуй, видеть именно тех, кто стремится обрести богатство несправедливым путем, отказываясь ради него от доблести, что неразрывно связано с занятием земледелием. Следовательно, в словах Солона звучит призыв обратиться к традиционным ценностям.

Наконец, у цензовой реформы был еще один аспект, на который часто обращается внимание исследователей. Безусловно, выделение *пентакосиомедимнов* имело вполне конкретную цель. Их появление несколько девальвировало принцип родовитости, поскольку принадлежность к высшему классу, дававшая право занимать высшие государственные должности, зависела теперь не от происхождения,

---

¹⁴¹ См. об этом: *Гуцин В.Р.* Цензовая реформа Солона... С. 110 и сл.

¹⁴² См., например: *Ober J.* Mass and Elite... P. 58–59; *Mitchell L.G.* New Wine in Old Wineskins: Solon, *arête* and *agathos* // *The Development of the polis in Archaic Greece*. L.: Routledge, 1997. P. 138, n. 22, 140–144.

а от размера земельного участка (*Arist. Ath. Pol.* 7. 3; ср. 8. 1)¹⁴³. Все это следует расценить как уравнительную меру: равенство имущества порождает равенство политических прав.

В «Афинской политике» говорится, что при Солоне изменился порядок избрания на высшие государственные должности. «Высшие должности, — замечает Аристотель, — Солон сделал избирательными по жребию из числа предварительно выбранных, которых намечала каждая из фил. Намечала же в коллегиях девяти архонтов каждая десятерых, и между ними бросали жребий. Вследствие этого еще и теперь остается за филами такой порядок, что каждая избирает по жребию десятерых, а затем из этого числа баллотируют бобами. Доказательством же, что высшие должности Солон сделал выборными по жребию из людей, обладающих цензом, может служить закон о казначеях, который продолжает оставаться в силе еще и теперь: он повелевает избирать казначеев по жребию из пентакосиомедимнов» (*Arist. Ath. Pol.* 8. 1). В этом случае каждая из четырех фил должна была избирать по десять претендентов, дальнейшую судьбу которых решал жребий (*Arist. Ath. Pol.* 8. 1). Исследователи, принимающие сообщение «Афинской политики», полагают, что жеребьевка просуществовала вплоть до 582/1 г., т.е. до архонства Дамасия. Не действовала она, по-видимому, и во времена тирании.

Этому противоречит сказанное Аристотелем в «Политике», где он сообщает, что архонты избирались народным собранием, в каковую процедуру Солон не внес никаких изменений (*Arist. Pol.* II. 1274 а 1–2, 15–17). В предыдущем параграфе мы уже говорили, что до реформ Солона назначение девяти предварительно избранных кандидатов на должности архонтов, скорее всего, производилось ареопагом. Существование в период архаики такой формы избрания на высшие должности, как жребий, представляется нам маловероятным¹⁴⁴.

¹⁴³ *Badian E.* Archons and *strategoí*... P. 9, n. 23; *van Wees H.* Mass and Elite in Solon's Athens: The Property Classes Revisited // *Solon of Athens. New Historical and Philological Approaches* / ed. by J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois. Leiden: Brill, 2006. P. 367–368. Позднее это право получают и всадники (*Arist. Ath. Pol.* 26. 2). См. также: *Гущин В.Р.* Цензовая реформа Солона... С. 112 и сл.

¹⁴⁴ П. Родс и Р. Девелин принимают сообщение «Афинской политики» (*Rhodes P.J.* A Commentary... P. 147–148; *Develin R.* Op. cit. P. 2); Ч. Хигнетт и

О народном собрании и его функциях в период, предшествующий реформам Солона, нам практически ничего не известно. Надо думать, что собиралось оно нерегулярно — от случая к случаю, и его политическое значение едва ли было велико¹⁴⁵. Если это так, то Солон активизировал народное собрание, сделав его заседания регулярными. Иначе говоря, он восстанавливает роль народного собрания как политического института, который получает официальный статус¹⁴⁶. Одной из важнейших задач народного собрания было избрание должностных лиц — коллегии архонтов. По словам Аристотеля, народное собрание уже в это время принимало отчеты должностных лиц (*euthynai*). В «Политике» он пишет, что «Солон, по-видимому, дал простому народу лишь самую необходимую власть — избирать должностных лиц и принимать от них отчеты..» (*Arist. Pol.* 1274 a 15–18; ср. *Pol.* 1281 b 32). Последнее может, пожалуй, относиться именно к народным собраниям, а не к возникшим позднее народным судам (*гелизе*). Впрочем, принятие отчетов должностных лиц народным собранием вызывает сомнения. Есть основания полагать, что *euthynai* были в руках ареопагитов вплоть до реформ Эфиальта¹⁴⁷. Но вот право начинать судебное разбирательство по *euthynai* после реформ Солона, по-видимому, получал любой желающий (*ho boulomenos*)¹⁴⁸.

Итак, Солон по меньшей мере оживил работу народного собрания. Причем теперь это уже собрания по филам, которые намечали претендентов на занятие той или иной должности. Это значит, что голосующей единицей, избирающей претендентов на высшие государственные должности, становится именно фила, а не фратрия, как, мы полагаем, было до реформ Солона. Архонты, которые до этого момента могли руководить работой народного собрания¹⁴⁹, скорее

Р. Сили считают его недостоверным (*Hignett C. Op. cit.* P. 78–79; *Sealey R. A History...* P. 96).

¹⁴⁵ Суриков И.Е. Античная Греция... С. 108.

¹⁴⁶ Именно Солону, полагает Э.Д. Фролов, принадлежит заслуга в возрождении народного собрания (*Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса...* С. 134).

¹⁴⁷ См. ниже: подразд. 4.1 наст. изд.

¹⁴⁸ *Ostwald M. The Areopagus in the Atheniaion Politeia // Aristote et Athènes. Paris: de Boccard, 1993. P. 148.*

¹⁴⁹ Как полагает Ч. Хигнетт (*Hignett C. Op. cit.* P. 74).

всего, были связаны с фратриями, а ареопагиты, по-видимому, вообще не имели к нему никакого отношения. Если это так, то активизация работы народного собрания потенциально содержала в себе угрозу превращения народа в неуправляемую силу, подобную той, каковой он являл себя в моменты стихийных народных сходок. Впрочем, так продолжалось недолго.

Солон, по словам Аристотеля, «учредил Совет четырехсот, по сто из каждой филы, а совету ареопагитов назначил охранять законы; как и прежде, он имел надзор за государственным порядком, причем он обязан был не только следить вообще за большинством самых важных государственных дел, но, между прочим, и привлекать к ответственности виновных, имея власть налагать взыскания и кары, причем штрафы вносил в “город”, не указывая, по какому поводу платится штраф. Наконец, он судил тех, кто составлял заговор для низвержения демократии, в силу того что Солон издал закон о внесении относительно их чрезвычайного заявления» (*Arist. Ath. Pol.* 8. 4)¹⁵⁰. Булеты (члены совета) избирались народным собранием.

Плутарх описывает создание *буле* как шаг, призванный успокоить и даже обуздать народ¹⁵¹. «...Видя в народе дерзкие замыслы и заносчивость, порожденные уничтожением долгов, он (Солон. — В. Г.) учредил второй совет, выбрав в него по сто человек от каждой из четырех фил. Им он поручил предварительно, раньше народа, обсуждать дела и не допускать внесения ни одного дела в народное собрание без предварительного обсуждения» (*Plut. Sol.* 19). Иначе говоря, задачей нового политического органа была выработка повестки для заседаний народного собрания¹⁵². В результате народное собрание лишилось прежней самостоятельности.

Возможно, совет был создан в противовес ареопагу. В связи с этим уместно вспомнить слова Плутарха, являющиеся, возможно, переска-

¹⁵⁰ Ч. Хигнетт отрицает факт создания Солоном совета 400. Учитывая нерегулярный характер работы народного собрания, созданному совету, считает он, нечем было бы заниматься (*Hignett C. Op. cit.* P. 92–96).

¹⁵¹ В новый совет избирались только представители высшего имущественного разряда — *пентакосиомедимны*, представлявшие узкий слой крупных собственников — элиту (*van Wees H. Mass and Elite in Solon's Athens...* P. 367–368).

¹⁵² *Rhodes P.J. A Commentary...* P. 151–152.

зом какого-то из поэтических произведений Солона: «...он (Солон. — В. Г.) рассчитывал, что государство, стоящее на двух якорях, меньше подвержено качке и доставит больше спокойствия народу» (*Plut. Sol. 19*, пер. С. Соболевского)¹⁵³. Таким образом, совет 400 представлял собой нечто вроде «нижнего совета». «А “верхнему совету” (т.е. ареопагу. — В. Г.), — отмечает Плутарх, — он предоставил надзор за всем и охрану законов...» (*Plut. Sol. 19*; ср. *Arist. Ath. Pol. 8. 4*)¹⁵⁴.

Позднее работа *буле* будет делиться на десять сессий или приятий — по числу афинских фил, что вряд ли могло быть в момент появления данного органа¹⁵⁵. В «Афинской политике», впрочем, появление *буле* относится к временам Драконта. В разделе, называемом «Конституция Драконта», говорится о существовании совета 401, членами которого становились избранные по жребию граждане свыше 30 лет от роду (*Arist. Ath. Pol. 4. 3*). Причем «два раза одному и тому же нельзя было занимать ее (должность. — В. Г.), пока ее не отбудут все, а тогда полагалось бросать жребий опять сначала» (*Arist. Ath. Pol. 4. 3*). Впрочем, исследователи с недоверием относятся к данному сообщению¹⁵⁶.

Возможно, с реформами Солона следует связать введение «*исегории*» (*isegoria*) — наделение равным правом выступать в народном собрании¹⁵⁷. Впрочем, преимущественным правом, возможно, пользовались граждане более старшего возраста. Эсхин в речи «Против Ктесифонта о венке» вспоминает благословенные солоновские времена, когда каждый имел равные права выступать в народном со-

---

¹⁵³ См. также: *Rhodes P.J. A Commentary...* P. 153.

¹⁵⁴ Э. Караван не верит, что Солон поручил охрану установленных им законов аристократическому ареопагу (*Carawan E. Eisangelia and euthyna: The Trials of Miltiades, Themistocles, and Cimon // GRBS. 1987. Vol. 28. No. 2. P. 191*). Более вероятно, по его мнению, то, что ареопаг инициировал расследование и выносил предварительное суждение.

¹⁵⁵ *Rhodes P.J. Athenian Boule. Oxford: Clarendon Press, 1972. P. 19.*

¹⁵⁶ См., например: *Idem. A Commentary...* P. 117.

¹⁵⁷ Исследователи, впрочем, высказывают сомнения на сей счет, считая появление «исегории» следствием реформ Клисфена: *Woodhead A.G. ISEGORIA and the Council of 500 // Historia. 1967. Bd. 16. H. 2; Lewis J.D. Isegoria at Athens. When did it Begin // Historia. 1971. Bd. 20. H. 2–3.*

брании, при этом право выступать первыми предоставлялось лицам старше 50 лет: «Как бы мне хотелось, афиняне, чтобы и Совет пятисот, и Народные собрания направлялись очередными председателями по верному пути, чтобы в силе были Солоновы законы о благочинии ораторов, чтобы первым мог по их велению чинно выступить на помост старейший из граждан и без шума и смуты подать гражданам лучшие советы своей опытности, а за ним чтобы и другие граждане по желанию высказывались обо всяком деле по очереди и в порядке возраста» (*Aesch.* III. 2, пер. С. Ошерова). Далее Эсхин приводит звучавший в те времена клич глашатая: «Кто желает высказаться из достигших пятидесяти лет, а затем по очереди из прочих афинян?» (*Aesch.* III. 4)¹⁵⁸. В схолиях к Эсхину даже упоминается приписываемый Солону закон, упорядочивавший работу народного собрания (*peri eukosmias*) (*Schol. Aesch.* I. 22). Афинский оратор Лисий, упоминаемый Диогеном Лаэртием, говорит, что Солон ввел запрет выступать продажным распутникам, подразумевая, что *isegoria* либо уже существовала, либо была введена Солоном (*Diog. Laert.* I. 55).

Подводя итог преобразованиям Солона, Аристотель пишет: «По-видимому, вот какие три пункта в солоновском государственном устройстве являются наиболее демократичными (*tà δημοτικώτατα*): первое и самое важное — отмена личной кабалы в обеспечение ссуд; далее предоставление всякому желающему возможности выступать истцом за потерпевших обиду; третье, отчего, как утверждают, приобрела особенную силу народная масса, — апелляция к народному суду (*epheasis*)» (*Arist. Ath. Pol.* 9. 1).

Аристотель называет Солона создателем народного суда — *гелиэи*. Несмотря на скептические высказывания некоторых исследователей¹⁵⁹, мы готовы принять сказанное Аристотелем. Правда, остается неясным, была ли *гелиэя* новым выборным органом, как считает Р. Сили, или она была специальной сессией народного собрания, как

¹⁵⁸ О преимущественном праве граждан, достигших пятидесятилетнего возраста, выступать в народном собрании упоминает также Плутарх (*Plut. Mor.* 784-с). О возрастном цензе см.: *Kapparis K. The Law on the Age of the Speakers in the Athenian Assembly // RhM.* 1998. Bd. 141. N. 3–4. P. 255–259.

¹⁵⁹ См., например: *Mossé C. Op. cit.* P. 254–256.

полагает П. Родс¹⁶⁰. Возможно, изначальная цель *гелиэи* состояла в том, чтобы рассматривать апелляции (*epheisis*). Право апелляции к суду иного уровня для тех, кто не удовлетворен решением архонтов, стало одним из важнейших социальных достижений¹⁶¹. «Последнее (право апелляции. — В. Г.), — по словам Плутарха, — казалось вначале ничего не значащим правом, но впоследствии стало в высшей степени важным, потому что большая часть важных дел попадала к судьям. Даже на приговоры по тем делам, решение которых Солон предоставил должностным лицам, он позволил также апеллировать в суд» (*Plut. Sol.* 18).

Впрочем, *epheisis*, по-видимому, не распространялся на решения ареопагитов, судивших, как пишет Аристотель, безапелляционно: «...совет ареопагитов, хотя имел обязанность быть только блюстителем законов, распоряжался большинством важнейших дел в государстве, налагая кары и взыскания безапелляционно на всех нарушителей порядка» (*Arist. Ath. Pol.* 3. 6).

Плутарх следующим образом поясняет социальный и политический смысл нововведения: «Считая нужным, однако, еще больше помочь простому народу, он позволял всякому гражданину выступать в защиту потерпевшего и требовать наказания преступника. ...Законодатель правильно поступал, приучая граждан сочувствовать и соболезновать друг другу и быть как бы членами единого тела» (*Plut. Sol.* 18). Если это так, то появление *гелиэи* действительно усиливало народную массу. Поэтому не удивительно, что позднее Тридцать тиранов вынуждены будут вести решительную борьбу с влиянием, каким пользовались народные суды (*Arist. Ath. Pol.* 35. 2).

Подводя итог разделу, выскажем предположение, что главной заслугой Солона все же было восстановление роли народного собрания. По-видимому, с этого времени оно начинает созываться регулярно, т.е. вновь получает официальный статус¹⁶². Если теперь на-

---

¹⁶⁰ Sealey R. The Athenian Republic... P. 68–69; Rhodes P.J. A Commentary... P. 160, 730; см. также: Кудрявцева Т.В. Народный суд в демократических Афинах. СПб.: Алетейя, 2008. С. 34 и сл.

¹⁶¹ Rhodes P.J. A Commntary... P. 106; Carey C. Trials from Classical Athens. L.: Routledge, 1997. P. 3; Кудрявцева Т.В. Указ. соч. С. 18 и сл.

¹⁶² Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса... С. 134.

родное собрание избирало должностных лиц, это значит, что данная прерогатива была отнята у ареопага¹⁶³. Заметим также, что власть ареопага была ослаблена и самим фактом появления совета 400.

Все это не удивительно, поскольку Солон, как мы говорили выше, был *простатом* демоса. Удивительно, пожалуй, то, что он действует не только в интересах демоса. Даже освобождая попавших в долговое рабство и укрепляя тем самым слой мелких земельных собственников¹⁶⁴, он не считал необходимым наделять демос излишними политическими правами. Он предоставил демосу полагающуюся ему «долю» участия в государственных делах, соответствующую его *time* (почету), или положению в обществе. Об этом Солон говорит в одном из сохранившихся стихотворных отрывков:

Да, я народу почет предоставил, какой ему нужен —
Не сократил его прав, не дал и лишних зато
(τιμῆς οὐτ' ἀφελὼν οὐτ' ἐπορεξάμενος).

Также подумал о тех я, кто силу имел и богатством
Славился, — чтоб никаких им не чинилось обид.
Встал я, могучим щитом своим тех и других прикрывая,
И никому побеждать не дал неправо других.

(Sol. fr. 5. 1–6 Diehl, пер. С. Радцига)

Объем прав, или *time*, должен был соответствовать имущественному разряду (*timeta*). Об этом он говорит и в другом (ранее приводившемся) отрывке:

...Мне равно не по душе —
Силой править тирании, как и в пажитях родных
Дать худым и благородным долю равную иметь
(κακοῖσιν ἐσθλοῦς ἰσομοίριαν ἔχειν).

(Sol. fr. 23. 19–21 Diehl, пер. С. Радцига)

¹⁶³ Vlastos G. Solonian Justice // CP. 1946. Vol. 41. No. 2. P. 74, n. 2.

¹⁶⁴ Эмансипацию сервов С. Хорнблауэр называет предпосылкой для последующей демократизации (Hornblower S. Creation and Development of Democratic Institutions in Ancient Greece // Democracy, the Unfinished Journey. 508 B.C. to A.D. 1993. Oxford: Oxford University Press, 1992. P. 3).

По-видимому, функции примирителя-диаллакты были для него более значимыми, нежели *протасия*. Именно поэтому Солон не ставил перед собой цель ослабить или лишить власти аристократию. Ареопаг и после его реформ сохранил немалую часть своих традиционных полномочий, к которым даже были добавлены новые. Начиная со времени Солона именно в ареопаг должны были поступать так называемые чрезвычайные обращения — *исангелии* (*eisangeliai*)¹⁶⁵. Кроме того, совет ареопага, по словам Аристотеля, «стоял на страже законов и наблюдал за должностными лицами, чтобы они правили по законам. Всякий человек в случае нанесения ему обиды мог подать о том заявление в совет ареопага, указывая при этом, какой закон нарушается чинимой ему обидой» (*Arist. Ath. Pol.* 4. 4).

Вот как Аристотель в «Политике» оценивает сделанное Солоном: «...он упразднил крайнюю олигархию, положил конец рабству простого народа и установил прародительскую демократию, удачно смешав элементы различных государственных устройств...» (*Arist. Pol.* 1273 b 37–38). Именно это — упразднение крайней олигархии и политическое равновесие — было основной целью Солона, составляло содержание понятия «благозаконие» (*eunomia*). Другими словами, стремление к *eunomia* лежало в основе того строя, который был создан Солоном.

Понятие «эвномия» и до Солона было известно грекам. У Гомера «благозаконие» имеет явно сакральный смысл, это порядок, устанавливаемый богами:

Боги нередко, облекшись в образ людей чужестранных,
Входят в земные жилища, чтоб видеть своими очами
Кто из людей беззаконствует, кто наблюдает их правду
(*eunomia*).

(*Hom. Od.* xvii. 485–487, пер. В. Жуковского)

Поэт Ксенофан замечает, что успехи атлетов не содействуют достижению *eunomia* (*fr.* 2. 15–22 Diehl), которая, таким образом, противопоставляется *hybris*¹⁶⁶. Согласно Гесиоду, *eunomia* — спра-

---

¹⁶⁵ Rhodes P.J. *Eisangelia* in Athens // JHS. 1979. Vol. 99. P. 103.

¹⁶⁶ Donlan W. *The Aristocratic ideal of ancient Greece*. Lawrence: Coronado Press, 1980. P. 65, 100.

ведливое, опирающееся на закон, устройство общества, поскольку Евномия рождена Зевсом от Фемиды (*Hes. Theog.* 902–903). Ее сестры — Ирена (мир) и Дика (справедливость). Спартанскому поэту Тиртею принадлежит целая элегия, называемая «Благозаконие» (*Tyrt. fr.* 4 West). Судя по тексту элегии, идея «благозакония», повидимому, пришла из Дельф — ее изрек спартанцам сам Аполлон¹⁶⁷.

О благозаконии законодатель также говорит в элегии, называемой традицией «Эвномия» (Благозаконие). В ней Солон заявляет, что боги не дадут городу погибнуть из-за неразумья граждан. Перечислив творимые ими злодеяния, он восклицает:

Вот что поведать велит мое сердце народу афинян:

Ведь беззаконье несет городу множество бед;

Где же законность царит (*eunomia*), там порядок

с согласьем бывает;

Да и преступным она на ноги путы кладет;

Грубость смягчает, смиряет надменность, насилие губит,

Бедствия цветок роковой сушит, не давши расцветь,

Правду в неправых судах водворяет, дела дерзновенья

Сгладить умеет она и прекращает раздор (*erga dichostasies*).

Злобу жестоко вражды погашает она, и повсюду

Мудрость царит меж людьми вместе с согласьем при ней.

(*Sol. fr.* 3. 30–39 Diehl, пер. С. Радцига)

Таким образом, солоновское «Благозаконие» — не столько разновидность демократического устройства или его начальная стадия, сколько политический порядок, который, в понимании автора, содействует прекращению политических распрей.

Реформы не затронули основ аристократического режима, сохранив почву для возникновения аристократических группировок. И тем не менее реализация новых политических идей стала возможной лишь в результате их поддержки народной массой, т.е. благодаря тому, что Солон становится *простатом* демоса. И это было одной из существенных новаций, способной оказать влияние на последующую политическую эволюцию.

¹⁶⁷ См. также: Суриков И.Е. Античная Греция... С. 115.

Gushchin, Valery R. Athens on the Way to Democracy: VIII–V centuries BCE [Text] / V. R. Gushchin ; HSE University. — 2nd ed. — Moscow: HSE Publishing House, 2025. — 456 pp. — (HSE Monographs: Humanities). — 500 copies. — ISBN 978-5-7598-4173-9 (hardcover). — ISBN 978-5-7598-4240-8 (e-book).

This book examines the process of the formation of Athenian democracy in Archaic and Classical periods (VIII — mid-V century BCE). What Athenian democracy was, when it arose and what role the aristocracy and demos played in its emergence, it remains debatable for a long time. The book shows that one of the significant stimuli for the emergence of democracy was the struggle for power and influence among the aristocratic families, in which common people was often involved. In this process the equal conditions for the “best” (eunomia, isonomia) were created and expanded the political rights of the common people. It resulted in the state structure in which collegial political institutions played a significant role, i.e. the people’s assembly, where the officials elected, and the people’s court, which had a control over the annually elected magistrates. However the Athenian democracy cannot be considered as a people’s rule. The Athenians themselves characterized it as collective rule or the rule of the “majority” — those who possessed the political rights.

The book is addressed to specialists and researchers, as well as a wide range of readers who interested in Greek history.

Научное издание

МОНОГРАФИИ ВШЭ:
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Гущин Валерий Рафаилович

Афины на пути к демократии: VIII–V века до н.э.

Второе издание

Зав. книжной редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *М.С. Ковалева*

Компьютерная верстка: *О.А. Быстрова*

Корректор *О.И. Ростковская*

Дизайн обложки: *И.В. Ветров*

На обложке — гипсовые бюсты древних статуй

© ded pixto | Shutterstock.com, 1725695173 (<https://www.shutterstock.com/ru/image-photo/group-gypsum-busts-ancient-statues-human-1725695173>)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20, тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15285

Подписано в печать 13.12.2024. Формат 60×88/16. Усл. печ. л. 27,6

Уч.-изд. л. 24,3. Печать струйная ролевая. Тираж 500 экз. Изд. № 2926. Заказ №

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru, тел.: +7 499 270-73-59